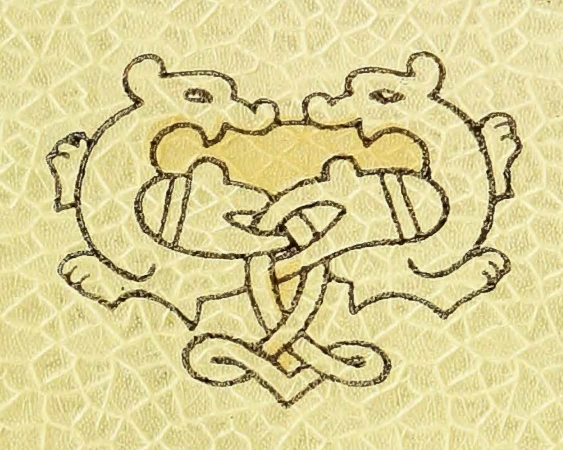
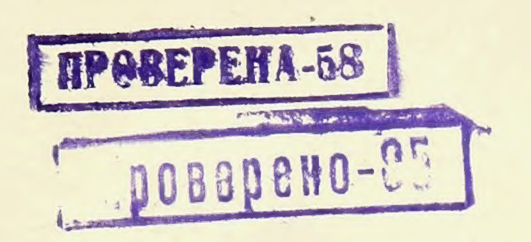

Оживающій Сѣверъ

Составилъ
А. Д. Полѣновъ

1896 г.

ПРОВЕРЕНА-58
роверено

XX ОТДѢЛЪ

Всероссійской Промышленной и Художественной выставки 1896 г.
въ Нижнемъ Новгородѣ.

КРАЙНІЙ СѢВЕРЪ

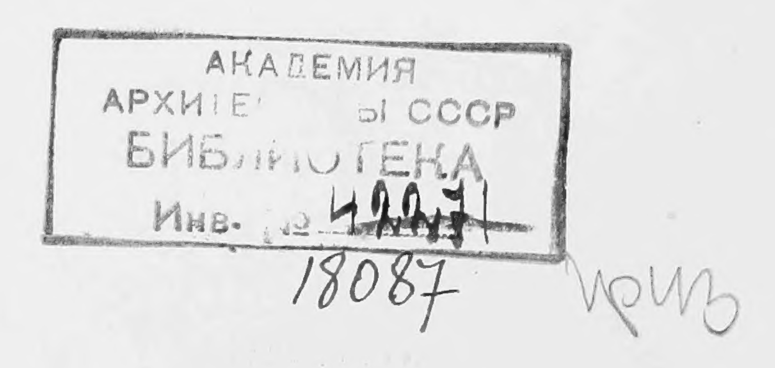
ЧАСТНЫЙ ПАВИЛЬОНЪ

Общества Московско-Ярославско-Архангельской желѣзной дороги.

Съ 15-ю фототипіями.

МОСКВА
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА
ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., Д. МАМОНТОВА.
1896

Дозволено цензурою. Москва, 25 мая 1896 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Значеніе Сѣверо-Восточной Россіи 2
Москва 4
Святитель Алексѣй 6
Дмитрій Донской 8
Преподобный Сергій 11
Кончина митрополита Алексѣя 19
Значеніе Сергія въ дальнѣйшихъ событіяхъ 20
Стефанъ Пермскій 23
Движеніе на сѣверъ 26
Кирилъ Бѣлозерскій 28
Соловецкая обитель 30
Дальній сѣверъ и побережья океана 33
Трифонъ Печенгскій 35
Ѳеодоритъ Кольскій 38
Новое движеніе на сѣверъ 42
Рельсовый путь къ Бѣлому морю 54
Пароходство по Бѣлому морю и Ледовитому океану . . 61
Лѣсные промыслы 66
Выдѣлка замши 70
Охота 70
Рыбный промыселъ 72
Способы лова 77

Стр.

Промысловыя суда 80
Разныя породы рыбъ 82
Весенніе и лѣтніе промыслы 82
Результаты промысловъ 84
Мойва 86
Сельдь, семга и другія рыбы 88
Морской звѣриный промыселъ 89
Колонизація Новой-Земли 92
Телеграфъ на Мурманѣ 96
Екатерининская гавань 97
Пароходство къ Печорѣ и по печорскому краю 100

Оживающій сѣверъ.

> Истинная сила находится въ обратномъ отношеніи къ ея видимому проявленію.
>
> *Кэри.*

Исторія заселенія и просвѣщенія нашего сѣвера настолько тѣсно связана съ исторіей возникновенія и развитія Москвы, а затѣмъ новѣйшая исторія призванія этого края къ промышленной и культурной жизни тоже такъ тѣсно связана съ жизнью и культурой Москвы, что приступая къ описанію экономическаго положенія и значенія нашей отдаленной сѣверной окраины, простирающейся отъ границъ Норвегіи до Сибири и включающей въ себя всю Архангельскую губернію и части Вологодской и Олонецкой, невозможно не коснуться какъ самаго отдаленнаго, такъ и ближайшаго прошлаго Москвы.

Естественнымъ послѣдствіемъ удѣльнаго размежеванія Россіи, совершеннаго Ярославомъ Мудрымъ, было перемѣщеніе центра тяжести нашей исторической жизни изъ Кіева въ глубь страны. Это было стратегическимъ съ цѣлью сосредоточиться и собраться съ силами, отступленіемъ на такую позицію, гдѣ бы можно было правильно развернуться, не имѣя надобности, какъ въ Кіевѣ, прикрывать и фронтъ, и тылъ, и фланги. Такою

позиціей вполнѣ естественно явилась Владимірско-Суздальская область, центръ которой впослѣдствіи нѣсколько передвинулся впередъ—въ Москву.

Развернуться, а слѣдовательно и укрѣпиться въ Кіевѣ нельзя было и думать, потому что некуда было податься. галицкое владѣніе, а затѣмъ вскорѣ и Литва, были слишкомъ сильны, чтобы расшириться на ихъ счетъ; а по ту (лѣвую) сторону Днѣпра находились прикіевскія владѣнія младшихъ князей. Ярославъ распредѣлилъ свое государство такъ, что каждому изъ сыновей доставалась какая-нибудь область подъ самымъ Кіевомъ и въ придачу еще отдаленный удѣлъ.

Такое концентрическое положеніе младшихъ братьевъ вокругъ стольнаго Кіева, естественнымъ образомъ ставило ихъ въ положеніе какъ бы выжиданія своей очереди на великокняжескій престолъ; и для младшихъ князей становилось живненнымъ условіемъ крѣпко держаться именно своего прикіевскаго удѣла, караулить великое княжество, рискуя иначе пропустить свою очередь. Поэтому расширеніе Кіевской области на ихъ счетъ было бы не только нарушеніемъ ихъ драгоцѣннѣйшаго права, но и полнымъ переворотомъ всего государственнаго строя.

Для Кіева становилось невозможнымъ развиться въ крупную государственную единицу.

Значеніе Сѣверо-Восточной Россіи.

Мѣсто будущаго сосредоточенія Россіи стало выясняться уже при ближайшихъ преемникахъ Мономаха. Одинъ изъ сыновей его, Юрій—основатель Москвы—вступилъ на великокняжескій престолъ въ преклонныхъ годахъ, проведя всю молодость въ своемъ Суздальскомъ удѣлѣ. Прозорливымъ умомъ своимъ Юрій, очевидно, понималъ будущее значеніе тогдашняго русскаго сѣверо-востока и, занятый его устроеніемъ, не спѣшилъ

воспользоваться своимъ правомъ на Кіевское княженіе, когда его занимали внѣ очереди младшія линіи, и хотя къ концу жизни онъ все же перешелъ въ качествѣ великаго князя въ Кіевъ, но его прежній удѣлъ получилъ настолько значенія, что сынъ его Андрей, едва овладѣвъ кіевскимъ престоломъ, перенесъ великое княжество во Владиміръ на Клязьмѣ.

Одновременно съ этимъ усиливается и вліяніе сѣверо-восточной Россіи (Владимірско-Московской) на сѣверо-западную (Новгородско-Псковскую). Двое великихъ князей владимірскихъ, Ярославъ Всеволодовичъ, а затѣмъ сынъ его Александръ, были до вступленія на великокняжескій престолъ князьями новгородскими. Ярославъ велъ нѣсколько удачныхъ войнъ съ нѣмцами, сильно тревожившими новгородцевъ; а славныя въ нашей исторіи побѣды Александра надъ шведами при устьѣ Ижоры (Невская битва) и надъ Ливонскимъ орденомъ на Псковскомъ озерѣ (Ледовое побоище) спасли Новгородъ и Псковъ отъ этихъ опасныхъ враговъ. Все это скрѣпляло отношенія сѣверо-востока съ сѣверо-западомъ. Цѣлый рядъ сѣверо-восточныхъ великихъ князей, какъ и родоначальникъ ихъ Юрій Владиміровичъ Долгорукій, были людьми выдающагося государственнаго ума. Трое великихъ князей, сыновья Юрія, Андрей, Михаилъ и Всеволодъ, безъ устали продолжали дѣло внутренняго укрѣпленія своего великаго княжества, которое вышло хотя разореннымъ, но все же живымъ и крѣпкимъ послѣ страшнаго урагана перваго нашествія Батыя. Всеволодъ, жившій въ молодости въ Греціи, внесъ въ государственную мудрость сѣверо-восточныхъ князей тотъ элементъ дипломатичнаго ума и такта, который впослѣдствіи постоянно проявлялся въ характерѣ его преемниковъ и часто съ такимъ успѣхомъ ими примѣнялся. Уже великій правнукъ Юрія, Александръ

Ярославичъ, становится въ Новгородѣ хозяиномъ положенія и успокоиваетъ новгородцевъ, волнующихся по поводу новой, поголовной раскладки татарской дани. Когда же волненіе вспыхнуло и въ другихъ городахъ и сопровождалось избіеніемъ татаръ при звонѣ колоколовъ, славный Ижорскій побѣдитель спѣшитъ въ орду покорный, съ богатыми дарами, и своимъ личнымъ униженіемъ спасаетъ родину отъ новыхъ ужасовъ татарскаго нашествія.

Наступившія послѣ смерти Александра распри между его преемниками, повидимому, пріостанавливаютъ развитіе новаго великаго княжества. Но среди этихъ распрей, сначала незамѣтно, а потомъ все сильнѣе, выступаетъ значеніе младшаго изъ удѣловъ—Московскаго. И самыя распри сѣверо-восточныхъ князей носятъ своеобразный характеръ; онѣ рѣдко кончаются кровопролитіемъ; князья какъ бы берегутъ силы для борьбы съ общими врагами; они соберутъ войско, встрѣтятся, но не вступая въ бой, начинаютъ „пересылаться“, заключаютъ миръ и расходятся.

Москва.

Рѣшительнымъ шагомъ, доставившимъ полное преобладаніе Москвѣ, было перенесеніе, сперва только фактическое, митрополичьей каѳедры изъ Владиміра. Еще въ 1299 г. митрополитъ Максимъ оставилъ опустошенный Кіевъ и переѣхалъ на жительство во Владиміръ. При преемникѣ его, святителѣ Петрѣ, митрополія все еще оставалась во Владимірѣ, но митрополитъ часто наѣзжалъ въ Москву и подолгу въ ней оставался, сблизившись съ братомъ московскаго князя Юрія, Иваномъ Даніиловичемъ, который умѣлъ пріобрѣсть его расположеніе. Вмѣстѣ они обдумывали постройку въ Москвѣ большого каменнаго храма во имя Успенія Богоматери, при чемъ митрополитъ предрекалъ молодому князю: „Самъ прославишься больше другихъ князей, и сыновья

и внуки твои, и городъ этотъ славенъ будетъ, святители станутъ въ немъ жить и подчинитъ онъ себѣ всѣ другіе города".

Митрополитъ Петръ умеръ въ Москвѣ и въ Москвѣ былъ похороненъ; новый митрополитъ Ѳеогностъ уже не хотѣлъ оставить гроба и дома чудотворца и перенесеніе митрополичьяго престола въ Москву совершилось окончательно. Въ Москвѣ же остался жить и великій князь Иванъ Даниловичъ Калита. Какъ при немъ, такъ и при сынѣ его Симеонѣ сѣверо-восточная Россія пользовалась почти полнымъ спокойствіемъ; великіе князья необыкновенно удачно ладили съ татарами, которые не только прекратили свои нашествія, но въ спорѣ между Симеономъ и Ольгердомъ Литовскимъ приняли сторону русскаго великаго князя.

Святительское благословеніе умирающаго митрополита Петра видимо пребывало на Московскомъ княжествѣ. Горячая любовь къ Москвѣ, привязанность къ своему князю составляли отличительную черту людей московскихъ; Москва олицетворяла для нихъ понятіе объ отечествѣ, а не другое какое-нибудь любое княжество, гдѣ князь былъ либо щедрѣе, либо храбрѣе, либо удачливѣе; къ Москвѣ появилось то чувство, которое характеризуетъ любовь къ отечеству: ее любили и въ ея радостяхъ и въ ея горѣ, за нее стояли дружно и не выдавали ее.

Этимъ горячимъ патріотизмомъ къ своему Московскому отечеству въ особенности отличаются два великихъ святила—митрополитъ Алексѣй и преподобный Сергій.

Это были два человѣка совершенно противоположные складомъ ума, характеромъ и темпераментомъ; но пламенная любовь къ родинѣ постоянно ставила ихъ дѣятельность на одинъ общій путь, и они, какъ бы понимая, что пополняютъ другъ друга, все время дѣйствуютъ совмѣстно.

Святитель Алексѣй.

Святитель Алексѣй своимъ тонкимъ, проницательнымъ и свѣтлымъ умомъ ясно понималъ, что главный врагъ, татары, не могутъ быть сломлены иначе, какъ продолжительной подготовкой Московскаго государства внутри его, постепеннымъ его усиленіемъ и постепеннымъ ослабленіемъ другихъ его менѣе сильныхъ враговъ. Эти враги-- Нижегородское, Тверское и Рязанское княжества и Литва, съ которыми тогдашняя Москва уже могла справиться одинъ на одинъ, представляли большую опасность при могущемъ произойти столкновеніи великаго княжества съ татарами; а такое столкновеніе предвидѣлось Алексѣемъ какъ нѣчто неизбѣжное. Необходимо было по этому усыпить вниманіе хановъ, укрѣпиться въ Москвѣ и отбиться отъ менѣе сильныхъ враговъ.

Святитель Алексѣй является самымъ дѣятельнымъ и дальновиднымъ руководителемъ во всей этой продолжительной и трудной подготовительной работѣ. Онъ устроиваетъ поѣздку молодого князя въ Орду съ богатыми подарками; онъ самъ неоднократно ѣздитъ къ хану, гдѣ пользуется огромнымъ вліяніемъ.

„Чингизъ—царь, и прежніе цари, предки наши, жаловали церковныхъ людей, молитвенниковъ, которые молятъ Бога, и весь чинъ священническій", такъ говоритъ грамота хана Бердибека, данная митрополиту Алексѣю, какъ охрана духовенства русскаго отъ „подводъ, корма, питія, даровъ и почестей"... „если кто начнетъ безчинствовать въ церковныхъ домахъ, тому будетъ худо, умретъ злою смертью". И грамота кончается словами: „ты-же, митрополитъ Алексѣй, молись за насъ Богу".

Когда князья нижегородскіе перессорились изъ-за правъ на княженіе и не послушали примирительнаго голоса великаго князя, то митрополитъ Алексѣй вынудилъ ихъ прекратить распрю вліяніемъ церкви. Тутъ впервые выступаетъ на сцену преп. Сергій, котораго

митрополитъ послалъ по этому дѣлу въ Нижній-Новгородъ. Когда и его слова не подѣйствовали на нижегородскихъ князей, то преподобный не остановился передъ суровой мѣрой: онъ заперъ церкви въ Нижнемъ, и такъ сильно было уже вліяніе какъ его личное, такъ и владыки Московскаго, что никто не осмѣлился противиться этому рѣшительному поступку, и нижегородцы должны были подчиниться. Но дѣйствуя круто въ однихъ случаяхъ, Алексѣй умѣлъ разобрать гдѣ требовались другія мѣры. Когда произошла ссора между молодымъ великимъ княземъ и двоюроднымъ его братомъ княземъ серпуховскимъ, извѣстнымъ Владиміромъ Андреевичемъ, то онъ поспѣшилъ примирить ихъ и закрѣпить между ними союзъ на всю жизнь, имѣвшій, какъ извѣстно, такія огромныя послѣдствія.

Въ договорѣ между великимъ княземъ и княземъ Владиміромъ Андреевичемъ встрѣчается выраженіе, вполнѣ выясняющее значеніе митрополита Алексѣя и указывающее на совершенно новое положеніе великаго князя по отношенію къ младшимъ князьямъ. Дмитрій говоритъ Владиміру: „ты мнѣ челомъ добилъ черезъ отца моего Алексія митрополита *всея Руси*, и я тебя пожаловалъ, далъ тебѣ Лужу и Боровскъ“.

Благодаря московскому вліянію, злѣйшіе враги великаго князя, князья тверскіе, проиграли свое дѣло въ Ордѣ, причемъ Дмитрій, ѣздившій въ Орду и сопутствуемый до переправы черезъ Оку митрополитомъ, выкупилъ изъ татарскаго плѣна задолжавшаго тамъ сына тверскаго князя, внесъ за него 10.000 рублей, сумму огромную по тогдашнему счету, и этимъ пріобрѣлъ рѣшительное нравственное вліяніе какъ въ Твери, такъ и въ Ордѣ.

Изъ ближайшихъ враговъ Москвѣ былъ особенно страшенъ умный и скрытый Ольгердъ, князь литовскій. Но исторія его столкновеній съ Москвой уже ясно свидѣ-

тельствуетъ какъ быстро росло могущество Москвы. Три раза ходилъ Ольгердъ на московскаго великаго князя, но только первый походъ его былъ удаченъ, когда ему удалось подступить и осадить кремль въ расплохъ. Въ слѣдующіе два раза литовское войско при первыхъ встрѣчахъ съ великокняжескими полками, безпорядочно отступаетъ. И въ отношеніи Литвы митрополитъ Алексѣй старается устранить раздоры и скрѣпить связь Москвы съ Литвою. Проводивъ до Оки великаго князя, при поѣздкѣ его въ Орду, онъ спѣшитъ обратно въ Москву, чтобы устроить бракъ князя Владиміра Андреевича съ дочерью Ольгерда Еленою. Значеніе этого союза сказалось впослѣдствіи: въ то время какъ Ягайло обѣщалъ свою помощь Мамаю противъ Дмитрія, двое Ольгердовичей, Андрей и Дмитрій, со своими полками, дрались на Куликовомъ полѣ подъ знаменами московскаго великаго князя. Во время страшнаго нашествія Тохтамыша (1382 г.) внукъ Ольгерда Остѣй, долго защищаетъ кремль московскій, пока великій князь собираетъ войско въ сѣверныхъ областяхъ. Съ Остѣемъ впервые появляются въ Москвѣ ружья и пушки.

Дмитрій Донской.

Но святитель не дожилъ до результата своихъ трудовъ и скончался лишь за три года до Куликова побоища, хотя еще при жизни его началась страшная борьба московскаго великаго князя съ Мамаемъ. И тутъ Москва являетъ себя въ полномъ и лучшемъ смыслѣ старшимъ княжествомъ въ Россіи. Какъ въ дѣлѣ съ тверскими князьями Дмитрій утвердилъ свое вліяніе, выкупивъ изъ Орды молодого тверского княжича, такъ и теперь онъ посылаетъ Московское войско за Оку, на защиту рязанскихъ владѣній. Тутъ на берегахъ рѣки Вожи, 11 авг. 1378 года, происходитъ столкновеніе великокняжескаго войска съ татарскими полчищами и полное пораженіе послѣднихъ.

Фотот. Шереръ, Набгольцъ и К°

Абрамова пахта.

(Стр. 34)

Вожская побѣда такъ поразила Мамая, что онъ въ продолженіе слѣдующихъ 7 лѣтъ не рѣшался, какъ дѣлали это прежде татары, „наказать“ русскихъ князей за свою неудачу, а сталъ готовиться къ рѣшительному столкновенію, посылая нанимать генуэзцевъ, черкесъ, яссовъ и ведя переговоры о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ съ Ягайлой, княземъ литовскимъ.

Наступилъ 1380 годъ, рѣшительный въ исторіи освобожденія Россіи отъ татаръ. Мамай, считалъ себя достаточно сильнымъ и двинулся къ русскимъ предѣламъ, не спѣша и поджидая соединенія съ Ягайлой, который обѣщалъ прибыть къ 1 сентября.

Со своей стороны и Дмитрій, хорошо понимая, что татары не оставятъ безъ отмщенія Вожскаго пораженія, тоже готовился и успѣлъ собрать подъ свои знамена всѣхъ князей русскихъ, за исключеніемъ лишь рязанскаго князя Олега. Съ невиданною дотолѣ на Руси ратью, въ 150 т. человѣкъ, двинулся онъ впередъ при первомъ извѣстіи о приближеніи Мамая. Великій князь спѣшилъ по двумъ причинамъ: ему важно было перенести военныя дѣйствія, всегда разорительныя для страны, за предѣлы Московскаго государства; другая причина была стратегическая—ему нужно было предупредить соединеніе литовскихъ войскъ съ татарскими.

Готовилось страшное столкновеніе двухъ движущихся другъ на друга вооруженныхъ массъ, при которомъ одна неминуемо должна была разбиться. Но положеніе сторонъ было крайне неравное. Побѣда на р. Вожѣ конечно поднимала бодрость духа русскихъ, но одна побѣда, при томъ одержанная не надъ самимъ ханомъ, а надъ однимъ изъ его подручныхъ князей (Бѣгичемъ), не изглаживала изъ памяти страшныхъ татарскихъ погромовъ, а предстоящее столкновеніе конечно должно

было произойти со всѣми силами, которыми располагала Орда, предводимыми самимъ ханомъ. Для татаръ же, наоборотъ, сознаніе недавней несокрушимости являлось причиной одушевленія, а послѣдняя неудача вызывала желаніе возстановить свое обаяніе, и жажда отмщенія несомнѣнно имѣла опьяняющее дѣйствіе. Затѣмъ и самые предводители встрѣчающихся полчищъ смотрѣли на предстоящее столкновеніе совершенно различно. Какое значеніе для Мамая могла имѣть потеря нѣсколькихъ тысячъ, хотя бы нѣсколькихъ десятковъ тысячъ; на смѣну однихъ изъ глубины Азіи являлись другія, какъ тучи саранчи. Какое значеніе могло имѣть для него пораженіе; онъ укрывался бѣгствомъ въ заволжскія степи, гдѣ татары были неуязвимы, такъ какъ не представляли никакого серьезнаго объекта для нападенія. И дѣйствительно, послѣ небывалаго погрома (Куликовскаго) татары разсыпаются въ степь, и Мамай немедленно собираетъ новыя полчища, чтобы опять ринуться на Москву; только неожиданное появленіе изъ-за Яика и нападеніе на Мамаевы кочевья другого хана—Тохтамыша, его останавливаетъ.

Дмитрію были вполнѣ ясны тѣ жертвы, которыя понесетъ его страна даже при побѣдѣ. Воспитанникъ святителя Алексѣя, онъ понималъ значеніе своего великаго княжества, какъ будущаго государства; представленіе объ отечествѣ было ему вполнѣ ясно и конкретно, жизнь каждаго изъ подданныхъ была ему дорога, и ослабленіе родины представлялось несомнѣннымъ. „Оскудѣла вся земля русская воеводами и слугами и всякимъ воинствомъ, и отъ этого былъ страхъ большой по всей землѣ русской“, говоритъ лѣтописецъ, описывающій послѣдствія Куликовской битвы. Что же было бы въ случаѣ пораженія? Несомнѣнная гибель всего созданнаго такимъ упорнымъ, многолѣтнимъ трудомъ; полное разо-

реніе страны уже достигшей значительной степени культурности; истребленіе городовъ, плѣнъ, рабство, униженія.

При наступленіи такой грозной минуты неудивительно если дрогнуло мужественное сердце Дмитрія. И ему и всему его войску нужна была нравственная и духовная поддержка; между тѣмъ святителя Алексѣя не было уже въ живыхъ. И тутъ-то выступаетъ во всемъ своемъ блескѣ свѣтлая личность преподобнаго Сергія, съ его горячей душей и непоколебимой вѣрой.

Сергій былъ высшимъ олицетвореніемъ той несокрушимой духовной силы, чуждой блеска въ своихъ внѣшнихъ проявленіяхъ и шума въ своей дѣятельности, которая составляетъ лучшую сторону русскаго народнаго типа. Это былъ именно тотъ идеалъ, который русскій народъ—сознательно, въ лучшихъ своихъ представителяхъ, и безсознательно въ массѣ—носитъ въ своемъ сердцѣ; тотъ идеалъ, который въ спокойное время вызываетъ и поддерживаетъ такія проявленія народной жизни какъ подвижничество и какъ движеніе богомольцевъ изъ самыхъ отдаленныхъ захолустьевъ и въ Кіевъ, и на Аѳонъ, и ко Гробу Господню, проявленія спокойныя, безъ порывовъ, но и не знающія утомленія; подвижничество, не имѣющее ничего общаго съ безжизненнымъ аскетизмомъ, и паломничество, совершенно противуположное тѣмъ страстнымъ движеніямъ, которыя собираютъ несмѣтныя толпы у Лурдскаго источника. Это былъ тотъ идеалъ, который въ трудныя историческія эпохи развертывается, какъ знамя, передъ народнымъ сознаніемъ и даетъ Россіи силу переживать и острые кризисы, какъ смутное время, какъ нашествіе 1812 года, и недуги тянущіеся столѣтіями, какъ крѣпостное право, и наконецъ татарское иго, особенно ужасное тѣмъ, что

Преподобный Сергій.

это было и длящееся, двухсотлѣтнее порабощеніе, и нравственное приниженіе, и постоянныя нашествія и разоренія.

И Россія не только переживаетъ эти эпохи, но какъ бы очищается и возвышается духомъ подъ ударами обрушившагося бѣдствія.

........Подъ бранною грозою
Становишься ты, Русь, сама собою!

Съ дѣтскаго еще возраста Сергій весь одухотворенъ какими-то неясными стремленіями. Въ сознаніи ребенка они не могли выливаться въ опредѣленныя представленія о томъ, что нужно было для отечества, въ какой духовной силѣ и куда направленной нуждалась родина въ эту трудную эпоху. Но если онъ не сознавалъ еще своей внутренней мощи, то чувствовалъ ее, она его какъ бы давила и требовала выхода; его неудержимо влекло на подвигъ, и онъ идетъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ, Стефаномъ, въ лѣсную глушь, гдѣ полагаетъ основаніе нынѣшней Троице-Сергіевой обители. Это было въ 1337 году.

Подвигъ есть и въ сраженьи,
Подвигъ есть и въ борьбѣ;
Высшій подвигъ—въ терпѣньи,
Любви и мольбѣ.

говоритъ Хомяковъ. Этого подвига и искалъ преп. Сергій.

Стремленіе къ уединенію было въ то время распространено повсемѣстно въ Россіи, и достаточно было появиться отшельнику гдѣ-нибудь вдали отъ людского движенія, какъ къ нему начинали собираться другіе подвижники, и основывалась обитель. Такова исторія большинства нашихъ монастырей; писаннаго устава оби-

тель не имѣла и образцовый порядокъ сохранялся въ ней общимъ другъ передъ другомъ соперничествомъ въ смиреніи и послушаніи. Такимъ путемъ основалась и поддерживалась и Сергіева обитель.

Но Сергій, поселившійся въ пустынѣ съ братомъ, вскорѣ остался одинъ въ своемъ уединеніи, тѣмъ болѣе трудномъ, что мѣстность эта почиталась нечистой. Описатель житія преп. Сергія, извѣстный агіо-біографъ Епифаній, разсказываетъ, что отшельнику являлся діаволъ со множествомъ духовъ своихъ „въ остроконечныхъ шапкахъ и одеждахъ литовскихъ". „Бѣги отсюда", говорилъ дьяволъ, „не-бо мы находимъ на тя, но паче ты нашелъ еси на насъ, аще не избѣжиши отсюда, то растерзаемъ тя, и умреши въ руцѣхъ нашихъ и къ тому не живъ будеши". При этомъ разсказѣ Епифаній поясняетъ, что таковъ обычай дьявола: гордо похваляться, грозитъ покалебать землю и изсушить море.

Трудно и страшно было первое время одинокой жизни въ дремучемъ лѣсу. Но въ этомъ Сергій и находилъ удовлетвореніе внутренней своей потребности, онъ сжился съ своей пустыней и полюбилъ ее всею силой своей пламенной души и въ соразмѣрности съ тѣми лишеніями и трудами, которые онъ въ ней вынесъ. Первыхъ пришедшихъ къ нему сожителей онъ не хотѣлъ принимать; но его покалебало указаніе на слова Евангелія: „гдѣ двое или трое собраны во имя Мое, тамъ я посреди ихъ".

Когда зашла рѣчь о назначеніи игумена, то братія приступила къ преподобному съ настояніями принять ему игуменство. Сергій долго отказывался и наконецъ рѣшилъ передать вопросъ на разрѣшеніе переяславскаго епископа Афанасія, управлявшаго московскою церковью за отъѣздомъ митрополита Алексѣя въ Константинополь. Епископъ не колебался въ отвѣтѣ: „ты да будешь отселѣ отцемъ и игуменомъ братіи твоей".

„Хотѣлъ отрицаться преп. Сергій“, говоритъ описатель житія его, „но епископъ сказалъ: ты все стяжалъ, а послушанія не имѣешь, и сими словами обезоружилъ смиреннаго“. Отпуская Сергія, Афанасій сказалъ ему: должно тебѣ, возлюбленный, немощи немощныхъ носить.

Сдѣлавшись игуменомъ, Сергій со свойственнымъ ему жаромъ вступилъ въ свои обязанности главы монастыря и хозяина. Тутъ ему предстояло не только измѣнить строй своей обстановки, но совершенно отрѣшиться отъ своихъ стремленій быть послѣднимъ на ступеняхъ власти и начальничества; эта борьба съ собой, эта работа надъ своимъ внутреннимъ состояніемъ являлась новымъ и тяжелымъ подвигомъ. Но такъ же, какъ въ своемъ пустыножительствѣ, онъ искалъ вовсе не аскетизма для аскетизма, а стремился только къ подвигу, такъ и теперь онъ также просто и естественно сталъ продолжать свой подвигъ на̀-людяхъ. Какъ въ себѣ, такъ и во всей обстановкѣ обители онъ сохранилъ прежнюю, болѣе чѣмъ простоту во всей внѣшности; самъ продолжалъ работать болѣе другихъ, носилъ самую простую, ветхую одежду, строго запрещалъ братіи выходить изъ обители за сборомъ подаяній, довольствуясь тѣмъ, что случайно приносили доброхотные жертвователи; и скудость монастыря достигала иногда до того, что не было ни вина, ни муки для просфоръ, ни свѣчей. Тогда въ обители совершались только вечернія службы, а вмѣсто свѣчей въ церкви горѣла лучина.

„Въ обители блаженнаго Сергія“, пишетъ игуменъ Волоколамскій Іосифъ Санинъ, „и самыя книги не на хартіяхъ писаху, но на берестѣхъ“.

Такъ же просто и легко преп. Сергій вступилъ и на политическое поприще, когда его призвалъ къ тому его владыка митрополитъ московскій Алексѣй. Выше мы уже видѣли, что онъ ѣдетъ съ серьезнымъ порученіемъ въ

Нижній-Новгородъ. Затѣмъ, по порученію же митрополита, онъ ѣдетъ въ Ростовъ примирить ростовскаго князя съ великимъ княземъ московскимъ; опять ѣдетъ въ Нижній и въ Суздаль, а затѣмъ къ князьямъ тверскимъ и рязанскимъ, все по указаніямъ святителя Алексѣя и все съ тѣми же примирительными порученіями.

Очевидно, огромна была слава и нравственное значеніе игумена Радонежскаго, если ему удавалось силою своего увѣщанія и убѣжденія, силою слова останавливать постоянно вспыхивающіе то тутъ, то тамъ огоньки, готовые разгорѣться въ страшную усобицу.

Если Святитель Алексѣй стремился установить миръ между князьми въ силу глубоко обдуманнаго политическаго плана, то со стороны преп. Сергія эта роль мужа-мироносца вполнѣ согласовалась съ его личнымъ душевнымъ настроеніемъ. Когда старшій братъ его Стефанъ, считавшій за собой, въ силу своего старшинства, болѣе правъ на игуменство, сталъ громко это высказывать и однажды высказалъ это въ церкви, во время службы, то Сергій, дабы освободить ему свое игуменское мѣсто и не заводить ссоры, тихо, не предупредивъ никого, ушелъ изъ монастыря на р. Киржачъ, опять въ лѣсную глушь, гдѣ поставилъ себѣ келію и небольшую церковь. Имя Сергія Радонежскаго было уже настолько извѣстно, что слухъ о появленіи его въ киржачскихъ лѣсахъ сталъ быстро распространяться по округѣ и къ нему со всѣхъ сторонъ стала стекаться братія.

Затосковали по немъ и прежніе его сожители Троицкаго монастыря и пустились въ путь разыскивать своего учителя. Конечно и Сергій тосковалъ по своей обители и несказанно обрадовался приходу своихъ, изъ которыхъ многіе сами остались въ новой обители на Киржачѣ. Но другіе не пожелали покинуть своего Троицкаго монастыря и обратились къ митрополиту Алексѣю, прося его

вернуть имъ ихъ игумена. Алексѣй немедленно послалъ на Киржачъ двухъ архимандритовъ уговорить преподобнаго вернуться. „Такъ отъ меня скажите владыкѣ митрополиту“, отвѣчалъ Сергій посланнымъ, „все изъ устъ твоихъ пріемлю съ радостію и ни въ чемъ тебя не преслушаю“. Велика была радость возвращенія его въ свою Троицкую обитель и велика была радость оставшейся тамъ братіи.

Простая и трудовая жизнь Сергія не измѣнилась ни отъ возведенія его въ санъ игумена, ни отъ постояннаго прибытія новыхъ сожителей, ни отъ притока къ обители богомольцевъ, больныхъ, разслабленныхъ, „испорченныхъ“, которыхъ приводили изъ самыхъ отдаленныхъ краевъ Россіи. Сергій встрѣчалъ всѣхъ съ кроткой ласковой улыбкой, помогалъ словами, утѣшеніемъ, успокоеніемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы оказываемое имъ поразительное воздѣйствіе на больныхъ объяснять по возможности естественно; онъ всѣми мѣрами избѣгалъ вызвать народную молву о чудесахъ.

Однажды зимой къ нему привезли издалека больного юношу; отецъ внесъ своего сына въ келію преподобнаго, но тутъ замѣтилъ что юноша лежитъ безъ движенія и безъ дыханія. Въ глубокомъ горѣ, и со словами „лучше бы дома померъ“, вышелъ онъ изъ келіи готовить гробъ, но вернувшись видитъ сына на ногахъ, совсѣмъ ожившаго; конечно первымъ движеніемъ обрадованнаго отца было пасть къ ногамъ Сергія съ благодарностью за воскрешеніе сына. Но Сергій поднялъ его, говоря: „не знаешь самъ за что благодаришь; когда ты несъ больного, онъ изнемогъ отъ сильной стужи, тебѣ же казалось, что онъ умеръ; а онъ согрѣлся у меня въ келіи и припадокъ прошелъ. Но иди съ миромъ домой и не разглашай никому о случившемся“.

Фотот. Шереръ, Набгольцъ и К°

Одинъ изъ просвѣтителей.

(Стр. 41)

Въ другой разъ одинъ изъ братіи, нѣкто Исаакій, наложившій на себя подвигъ молчанія и уже нѣсколько лѣтъ не говорившій ни слова, пришелъ къ Сергію взволнованный и объятый страхомъ и, нарушая обѣтъ молчанія, передалъ игумену, что видѣлъ сегодня во время большого выхода на литургіи, что за нимъ, т. е. за Сергіемъ, шелъ кто-то незнакомый, весь въ сіяніи; несомнѣнно это былъ Ангелъ. Видѣнное Исаакіемъ подтвердилъ и другой инокъ, Макарій, тоже пришедшій къ игумену съ такими же волновавшими его чувствами. „Храните сіе въ тайнѣ до исхода моего“ (т. е. до кончины), упрашивалъ ихъ преподобный.

Однако слухъ о подвигахъ пустынниковъ получалъ все болѣе и болѣе широкое распространеніе и достигъ до Константинополя. Въ 1373 году приходятъ въ Троицкую обитель посланные отъ вселенскаго патріарха Филофѣя и приносятъ въ даръ Сергію Крестъ, парамантъ и схиму (иноческія одѣянія), а вмѣстѣ съ тѣмъ грамоту отъ патріарха и его благословеніе. Смутился преп. Сергій при видѣ патріаршей грамоты; не вскрывая ее, онъ поспѣшилъ къ своему руководителю въ подобныхъ дѣлахъ, къ святителю Алексѣю. Въ посланіи Патріарха на имя „о Св. Дусѣ сына и сослужебника нашего смиренія—Сергія“ преподается совѣтъ устроить въ Троицкой обители общежитіе: „понеже, вѣдаешь, преподобный, и самъ Богоотецъ Пророкъ Давыдъ, все обнявшій разумомъ, ничего столько не похвалялъ, говоря: се что добро, или что красно, но еже жити братіи вкупѣ“.

„Что же ты повелишь мнѣ владыко святый?“ спрашивалъ Сергій митрополита; тотъ присоединился къ совѣту патріарха.

Весь строй жизни обители долженъ былъ измѣниться и это было также кореннымъ измѣненіемъ духовнаго

настроенія Сергія. До сихъ поръ вся жизнь какъ его, такъ и всей обители ограничивалась предѣлами храма и келіи; теперь предстояло ввести суетливое общежитіе. Съ крѣпкою думою возвращался Сергій изъ Москвы, приходилось опять жертвовать самыми завѣтными своими мечтаніями и стремленіями, приходилось дѣлать новое и огромное усиліе надъ собой, какъ бы сызнова передѣлывать самого себя. И вотъ онъ сейчасъ же собираетъ братію, читаетъ посланіе патріарха, объявляетъ рѣшеніе митрополита и приступаетъ къ учрежденію общежитія. Надо было составить уставъ монастырскій, образовать администрацію, замѣстить должности келаря, духовника, эклезіарха и др., устроить общественныя зданія: трапезу, хлѣбопекарню, кладовыя, амбары. Сергій приступаетъ къ этому дѣятельно и горячо, такъ какъ такое подчиненіе своихъ личныхъ стремленій общему дѣлу составляетъ тоже подвигъ, т. е. главную задачу его жизни.

Въ одномъ только случаѣ преп. Сергій не исполнилъ желанія митрополита Алексѣя: быть ему преемникомъ по московской митрополіи. Святитель Алексѣй два раза уговаривалъ Сергія принять санъ митрополита, по его кончинѣ; въ то время было въ обычаѣ, что митрополиты еще при жизни назначали себѣ преемниковъ. Первый разъ разговоръ объ этомъ между митрополитомъ и игуменомъ зашелъ по поводу кандидатуры ученаго серба Кипріана, выставленной патріархомъ (1373 г.). Но преп. Сергій рѣшительно отказался отъ этой чести и Святитель не настаивалъ. Съ своей стороны великій князь выдвигалъ кандидатуру своего духовника, красиваго, умнаго и образованнаго архимандрита Михаила. Святитель былъ противъ него: „Митяй“ (такъ прозывали Михаила) „еще недавній монахъ, надо ему искуситься и облечься благими дѣлами“, говорилъ онъ великому

князю. Но очевидно за этимъ „Митяемъ“ благихъ дѣлъ было немного. „Митяй негодуетъ на насъ и замышляетъ на насъ недоброе“, говорилъ Сергій своей братіи, но, не взирая на новыя увѣщанія Алексѣя, отказывался отъ митрополичьяго жезла: „никогда не былъ я златоносцемъ“ говорилъ Сергій когда митрополитъ хотѣлъ возложить на него свой митрополичій золотой крестъ. Святитель уговаривалъ, но не настаивалъ.

Между тѣмъ 12 февр. 1377 г. св. Алексѣй скончался. Огромное и страшное дѣло, исподволь и съ глубокой проницательностью имъ подготовленное—рѣшительное столкновеніе Москвы съ татарами—вполнѣ назрѣло, но еще не совершилось. Преп. Сергій былъ все время близкимъ участникомъ и помощникомъ митрополита московскаго въ этой его дѣятельности. Вмѣстѣ они ходили по окрестностямъ Москвы и основывали монастыри (Андрониковъ-Спасскій и Симоновъ), расположеніе которыхъ свидѣтельствуетъ о ихъ огромномъ значеніи для Москвы, какъ передовыхъ укрѣпленій противъ нашествій Орды. Такое же значеніе имѣли и еще болѣе выдвинутые монастыри устроенные уже Сергіемъ, какъ Серпуховской „на Высокомъ“, а впослѣдствіи Звенигородскій, на „Сторожевой“ горѣ.

Кончина митрополита Алексѣя.

Смерть митрополита Алексѣя оставила Сергія исполнителемъ завѣщаннаго ему святителемъ дѣла; если преподобный не хотѣлъ принимать оставляемой ему митрополіи московской, то отъ той части завѣщанія онъ не отказывался, а, напротивъ со всѣмъ жаромъ приступилъ къ ея исполненію.

Роковое столкновеніе приближалось и было неизбѣжно. Рязанскій князь Олегъ уже сообщилъ въ Москву о приготовленіяхъ и о движеніи Мамая. Несомнѣнно, и у московскаго князя все было подготовлено, потому что огром-

ное его 150-тысячное войско собралось очень скоро, и онъ двинулъ его навстрѣчу страшному врагу. Большая часть русскихъ полковъ уже собралась около Коломны, подходили и послѣднія войска, и въ концѣ августа великій князь самъ выѣхалъ изъ Москвы, чтобы стать во главѣ своего войска. Но прежде того онъ отправился въ Троицкую обитель принять благословеніе отъ преп. Сергія.

Значеніе Сергія въ дальнѣйшихъ событіяхъ.

Дмитрій спѣшилъ къ войску, но Сергій его удерживалъ, спрашивая нельзя ли избѣжать столкновенія и умилостивить Мамая дарами. Вѣроятно, до обители дошли слухи о шагахъ къ примиренію, которые дѣлалъ ханъ; дѣйствительно, послы татарскіе уже пріѣзжали въ Коломну и предлагали миръ, но требовали дани временъ Узбека и Ченибека; великій же князь соглашался платить только ту дань, которая была имъ условлена съ Мамаемъ при послѣднемъ свиданіи въ Ордѣ.

Дмитрій отвѣтилъ Сергію, что и онъ согласенъ на примиреніе, но что требованія Мамая чрезмѣрны. „Господь Богъ тебѣ помощникъ“, сказалъ тогда преподобный, „еще не приспѣло время тебѣ самому носить вѣнецъ сей побѣды съ вѣчнымъ сномъ; многимъ же соратникамъ твоимъ плетутся вѣнцы мученическіе съ вѣчною памятью. Иди же, господинъ, небоязнено; Господь поможетъ тебѣ, ты побѣдишь враговъ“. Сергій отправилъ съ великимъ княземъ и двухъ иноковъ, Александра Пересвѣта и Андрея Ослябя, бывшихъ бояръ, отличавшихся военными подвигами. Этимъ установлялась духовная связь между обителью и войскомъ.

Около трехъ недѣль обитель и вся тогдашняя сѣверо-восточная Россія провели въ напряженномъ и трепетномъ ожиданіи. Вопросъ былъ поставленъ о жизни или смерти.

Сергій съ братіею не переставалъ молиться. Святой старецъ, этотъ великій печальникъ о землѣ Русской, не переставалъ думать о великомъ князѣ и о войскѣ. Наконецъ, когда возбужденіе ожиданія и неизвѣстности стало доходить до крайняго предѣла, Сергій поступилъ такъ, какъ ему подсказала его пламенная душа и глубокое знаніе души человѣческой. Онъ послалъ къ войску еще двухъ своихъ иноковъ, но на этотъ разъ уже старцевъ, значеніе которыхъ было только нравственное. Посланцы Сергія, съ письмомъ и благословеніемъ отъ него, достигли войска лишь за нѣсколько дней до битвы, уже на Дону. Появленіе ихъ, очевидно, имѣло огромное значеніе. Русскія войска долго стояли на Окѣ, слѣдя за движеніемъ татаръ, и теперь они остановились на Дону въ нерѣшительности. Одни воеводы совѣтовали Дмитрію переходить рѣку, другіе, напротивъ, уговаривали его ожидать и не удаляться слишкомъ отъ своихъ предѣловъ. Такія колебанія могли быть пагубны, и прибытіе посланныхъ преп. Сергія и горячее, одобряющее слово его возымѣло рѣшающее значеніе. Дмитрій приказалъ наводить мосты, искать броду и двинулъ войска на ту сторону Дона, къ берегамъ Непрядвы.

Очевидно одушевленіе все болѣе и болѣе овладѣвало полками Дмитрія; переправа черезъ Донъ огромнаго его войска совершилась въ теченіе одной только ночи (съ 7 на 8 сентября), и совершалось въ полномъ порядкѣ, такъ какъ на слѣдующій же день (8 сент.) полки выстроились на противоположномъ берегу и князь Владиміръ Андреевичъ успѣлъ спрятать свои войска въ засаду, а къ 12 часамъ уже появились татары. Изъ рядовъ татарскихъ выѣхалъ страшный своимъ безобразіемъ, исполинскимъ ростомъ и силой Челибей и сталъ вызывать и со стороны русскихъ кого-нибудь на единоборство. Никто не выходилъ; ожиданіе было томительно.

Но и тутъ сказалось значеніе Сергіева благословенія войскамъ. Русскіе ряды разступаются, и изъ нихъ, какъ буря несется на страшнаго татарина схимникъ Троицкой обители Александръ Пересвѣтъ; ударъ былъ страшный, но стычка была только мгновенная и оба противника рухнули мертвые на землю. Это послужило сигналомъ къ сраженію и полчища неудержимо ринулись другъ на друга.

Житіе преп. Сергія повѣствуетъ, что весь этотъ день онъ стоялъ съ братіей въ храмѣ и молился о своихъ. Какъ бы видя ходъ сраженія, онъ говорилъ о перемѣнахъ битвы, объ успѣхѣ то одной, то другой стороны, называлъ павшихъ воиновъ и возносилъ за нихъ заупокойныя молитвы. Но къ вечеру лицо его вдругъ просвѣтлѣло: онъ возвѣстилъ о полномъ пораженіи враговъ и храмъ огласился торжественными звуками благодарственнаго пѣнія.

Таково было для Москвы и для Россіи значеніе преподобнаго Сергія Радонежскаго, такимъ знали его и чтили при жизни, такимъ остался онъ въ воспоминаніи народномъ, скромный въ своей жизни, строгій къ себѣ и одинаково доступный всѣмъ, простой тою простотой, которая составляетъ высокую черту народа, а потому вполнѣ понятный народу, свой, родной; необыкновенная крѣпость его духа, при рѣдкой мягкости души, необыкновенная нравственная его сила возвела его на степень народнаго идеала и духовный образъ его глубоко хранится въ сердцахъ народныхъ.

Со времени Сергія судьба Москвы и судьба славной Троицкой обители тѣсно связались; гроза смутнаго времени нависла и надъ той и надъ другой, и въ то время, когда Москва, попавшая въ руки враговъ, казалось, была на краю гибели, Сергіева обитель геройски отбивалась съ незначительной горстью защитниковъ отъ 30-ти ты-

сячной арміи гетмана Сапѣги, которая три раза бросалась на приступъ на монастырскія стѣны и три раза была отброшена. Послѣ смерти патріарха Гермогена изъ Троицкой обители не умолкая раздавался по всей Россіи призывный голосъ архимандрита Діонисія и келаря Авраамія Палицына, со всѣхъ сторонъ, городовъ и весей призывавшій людей русскихъ на защиту Москвы, на защиту отечества.

Въ это грозное время Сергіева обитель становилась несокрушимымъ оплотомъ Россіи; во времена же мира она являлась центромъ, отъ котораго, какъ лучи отъ источника свѣта, шли просвѣтители нашего отдаленнаго сѣвера.

Великій апостолъ Пермскаго края, святитель Стефанъ былъ современникомъ Сергія и по свидѣтельству его біографа Епифанія, часто бывалъ въ Троицкой обители и еще до начала своей просвѣтительной дѣятельности несомнѣнно совѣщался съ преподобнымъ о своихъ намѣреніяхъ. Это видно уже изъ того, что Епифаній, будучи инокомъ Сергіевой обители, подробно говоритъ о первыхъ миссіонерскихъ шагахъ Стефана и о томъ, что обращеніе пермичей „издавна сдумано бяше“. Стефанъ былъ родомъ изъ Великаго Устюга, гдѣ въ виду близкаго сосѣдства пермскаго края научился языку инородцевъ. Стефанъ Пермскій.

Готовясь на проповѣдь, Стефанъ изобрѣлъ азбуку для пермяковъ. Современники осуждали его за это, говоря: „до сихъ поръ не было въ Перми грамоты, жили безъ нея; теперь ли, на исходѣ седьмой тысячи, только за 120 лѣтъ до кончины вѣка, грамоту замышлять“.

Въ то время твердо были увѣрены, что по прошествіи 7000 лѣтъ отъ сотворенія міра (1492 года) наступитъ „свѣтопреставленіе“. Впрочемъ такіе свѣтлые умы, какъ

Алексѣй, Сергій, Стефанъ, не ставили своей дѣятельности въ зависимость отъ этого повѣрія и продолжали свое святое дѣло, разсчитанное на много лѣтъ впередъ.

Стефанъ все же пошелъ со своей апостольской миссіей къ пермякамъ, проповѣдовалъ имъ и просвѣщалъ ихъ. Первымъ мѣстомъ его остановки былъ нынѣшній Котласъ, оттуда онъ прошелъ далѣе на сѣверо-востокъ, вверхъ по Вычегдѣ, въ с. Усть-Вымскъ, при впаденіи р. Выма въ Вычегду; здѣсь Стефанъ основалъ главное свое мѣстопребываніе, построилъ церковь Благовѣщенія, для которой его родичи, устюжане, прислали много вкладовъ, и открылъ при ней училище для зырянскихъ дѣтей. Тутъ онъ продолжалъ начатое имъ еще ранѣе дѣло перевода священныхъ книгъ на зырянскій языкъ съ помощью изобрѣтенной имъ азбуки.

Много трудностей встрѣтилъ Стефанъ въ своей просвѣтительской дѣятельности; не разъ дикіе зыряне, сначала слушавшіе его проповѣдь молча и потупясь, бросались на него и выгоняли; въ окрестностяхъ Котласа его хотѣли сжечь и уже обложили соломой, онъ же стоялъ и молился за своихъ враговъ. Это такъ поразило зырянъ, что они походили вокругъ костра, не зажигая его, и молча разошлись по домамъ. Другой разъ противъ Стефана выступилъ старый кудесникъ Пама и послѣ долгаго спора предложилъ рѣшить вопросъ о преимуществѣ вѣрованія—огнемъ; Стефанъ и Пама должны были на слѣдующій день пройти черезъ пылающіе костры. Когда на слѣдующій день собрались къ назначенному мѣсту огромныя толпы народа и костры пылали яркимъ пламенемъ, пришли и Стефанъ и Пама. Стефанъ крѣпко схватилъ Паму за руку и пошелъ къ кострамъ, но по мѣрѣ того какъ они подходили къ огню Пама начиналъ упираться, а затѣмъ съ силой вырвался изъ рукъ Стефана и пустился бѣжать. Народъ бросился

Фотот. Шереръ, Набгольцъ и К°

Лѣсная глушь.

(Стр. 55)

за нимъ и хотѣлъ его убить, но Стефанъ остановилъ толпу словами: „Христосъ велѣлъ миловать“.

Зыряне, въ своемъ первобытномъ состояніи, были очевидно поражены духовной силой проповѣдника и вмѣстѣ съ тѣмъ его мягкостью и милосердіемъ. Это было для нихъ совершенно ново и потому невыразимо обаятельно. „Жрецы наши пользуются нашимъ заработкомъ и трудомъ“, говорили они: „а этотъ ничего для себя не хочетъ“. Вліяніе Стефана все возрастало; онъ объѣзжалъ окрестности, строилъ церкви, при чемъ мѣстные жители неутомимо трудились вмѣстѣ съ нимъ на постройкахъ, ставилъ природныхъ зырянъ въ священники и дьяконы (по постановленію московскаго собора онъ былъ уже епископомъ пермскимъ), устроивалъ при церквахъ школы, а при Благовѣщенскомъ храмѣ на Усть-Выми основалъ обитель и при ней страннопріимный домъ.

Между тѣмъ Пама, не забывъ своего пораженія, возбуждалъ вогуличей, зауральскихъ зырянъ, противъ Стефана и противъ пермяковъ-зырянъ, принявшихъ крещеніе. Вогуличи и прежде грабили пермяковъ, а теперь поднялись на нихъ огромными толпами и надвигались къ Усть-Выми съ востока, вдоль Вычегды. Но грозный слухъ о необыкновенной какой-то силѣ Стефана дошелъ и до нихъ, поэтому они подвигались осторожно и постоянно держась на готовѣ; когда же до нихъ дошелъ слухъ, что Стефанъ самъ поднялся и двинулся имъ на встрѣчу, они сробѣли и остановились, зорко слѣдя изъ дремучихъ побережныхъ лѣсовъ за теченіемъ рѣки, единственнымъ путемъ, по которому можно было ожидать Стефана и его вооруженныя силы.

Стефанъ, видя, что собравшихся къ его обители защитниковъ изъ пермяковъ слишкомъ мало, чтобы противостать вогуличамъ, едва успѣлъ укрѣпить селеніе и близлежащіе холмы и рѣшился на смѣлое предпріятіе.

Съ нѣсколькими только гребцами на небольшой лодкѣ поплылъ онъ вверхъ по теченію Вычегды и подходя къ мѣсту расположенія вогуличей, неожиданно показался передъ ними, стоя въ своей ладьѣ въ полномъ епископскомъ облаченіи, въ митрѣ и высоко держа крестъ въ рукахъ. Это произвело такое потрясающее дѣйствіе на вогуличей, что они разсыпались въ глубь лѣсовъ и быстро стали удаляться за Уралъ.

Во время голода Стефанъ кормилъ народъ изъ монастырскихъ запасовъ, раздавалъ деньги, сѣмяна и орудія и выхлопоталъ у великаго князя временнаго освобожденія пермичей отъ всякихъ сборовъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ при неутомимыхъ апостольскихъ занятіяхъ, при частыхъ поѣздкахъ въ Москву по дѣламъ своей епархіи, онъ находилъ время писать иконы и вырѣзывать ихъ изъ дерева.

Святитель Стефанъ скончался въ Москвѣ въ 1396 году, т. е. четыре года послѣ кончины преп. Сергія, посылая благословеніе своей паствѣ, своему далекому осиротѣвшему краю, гдѣ до сихъ поръ живетъ и славится память его.

„Учитель шествуетъ“, говорилъ преп. Сергій, когда къ Троицкой обители приближался великій апостолъ пермскій.

Движеніе на сѣверъ.

Ученики преподобнаго Сергія и ученики его учениковъ понесли на сѣверъ, на сѣверо-востокъ и сѣверо-западъ свою просвѣтительную дѣятельность. Это движеніе нашихъ богатырей-просвѣтителей въ дикіе, невѣдомые края относится къ концу XIV и началу XV вѣка, т. е. непосредственно за основаніемъ Троицкой-Сергіевой обители, и осѣняемое ею получаетъ полное значеніе мирнаго, духовнаго завоеванія сѣвернаго края. До этого заселеніе и просвѣщеніе сѣвера происходило случайно, урывками и было непрочно. Еще въ 1200 г. преп. Кип-

ріянъ Устюженскій, землевладѣлецъ двинской трети, принадлежавшей тогда Новгороду, основываетъ по просьбѣ устюжанъ небольшую обитель близъ Устюга-Великаго. Этотъ городъ имѣлъ тогда большое торговое значеніе, онъ былъ центральнымъ пунктомъ для сношеній новгородцевъ съ отдаленнымъ сѣверо-востокомъ, вѣроятно, и съ Сибирью. Но вліяніе этихъ сношеній въ смыслѣ смягченія нравовъ мѣстныхъ жителей едва ли было значительно, такъ какъ около 1440 года сынъ новгородскаго посадника Василій Степановичъ Своеземцевъ, впослѣдствіи Варлаамъ Шенкурскій, впервые заводитъ хлѣбопашество на Вагѣ и Пинегѣ. Владѣя тамъ „изъ отчества" (по наслѣдству) обширными, вплоть до границъ Ростовскихъ, помѣстьями, пріобрѣтенными его отцомъ, по купчей крѣпости, отъ Чудскихъ старшинъ за 20 тысячъ бѣлокъ и 10 рублей деньгами, долженъ поддерживать свое право-владѣніе съ оружіемъ въ рукахъ и ведетъ правильную войну съ людьми югорскими.

Новгородцы не могли отрѣшиться отъ своей утилитарной точки зрѣнія, они избирали поприщемъ дѣятельности крупные торговые центры, или свои собственныя помѣстья и боярщины. Наиболѣе древняя изъ сѣверныхъ обителей—Валаамская, правда, не носила этого характера, но преданіе говоритъ, что первые основатели ея, Сергій и Германъ, пришли „отъ странъ восточныхъ". Они, слѣдовательно, не были новгородцами. Когда именно основана Валаамская обитель—неизвѣстно; одно преданіе относитъ ея основаніе ко временамъ св. Ольги, другое—ко временамъ св. Владиміра. Новое просвѣтительное движеніе, одухотворенное изъ Троицкой обители, было совершенно чуждо практической цѣли. Притомъ во всѣхъ почти представителяхъ этого движенія замѣчается одна общая и весьма характерная черта—ихъ художественность, ихъ потребность въ красотѣ.

Блуждая по пустырямъ и дремучимъ лѣсамъ и отыскивая уединенія, отшельники этой новой подвижнической эпохи останавливались и избирали для своего жилья мѣста, поражавшія ихъ красотою природы. Такъ самъ Сергій избралъ и указалъ митрополиту Алексѣю мѣсто на крутомъ обрывѣ р. Яузы для основанія Андроникова монастыря; такъ же ученикъ и племянникъ Сергія (сынъ его брата Стефана) Ѳеодоръ, основалъ Симоновъ монастырь на крутомъ лѣсистомъ берегу Москвы рѣки. И того и другого остановила красота мѣстности.

Кирилъ Бѣлозерскій.

Въ Симоновомъ манастырѣ къ монастырской пекарнѣ были приставлены два инока Ѳерапонтъ и Кирилъ, тѣсно сдружившіеся на общей тяжелой работѣ. Кирилъ былъ родомъ москвичъ, изъ семьи бояръ Вельяминовыхъ, Ферапонтъ былъ или сѣверянинъ родомъ, или бывалъ на сѣверѣ. Его разсказы о красотѣ сѣверной природы, сѣверныхъ лѣсовъ и озеръ восхитили Кирила; онъ, не переставая думалъ о дальнихъ Бѣлозерскихъ пустыняхъ, которыя ему такъ живо описывалъ Ѳерапонтъ.

Наконецъ они вмѣстѣ уходятъ въ давно желанный Бѣлозерскій край. Тамъ на берегу озера Сиверскаго, на высокой горѣ, подъ которой въ необыкновенной красѣ разстилались лѣса, луга и озера, остановились отшельники и основали свое пустынножительство.

Еще въ молодыхъ годахъ Кирилъ былъ замѣченъ преп. Сергіемъ, который очевидно боялся за его пылкую, воспріимчивую натуру. Приходя въ Симоновъ онъ къ первому заходилъ къ Кирилу въ келію, или въ пекарню, подолгу съ нимъ бесѣдовалъ и направлялъ его. Игуменъ Ѳеодоръ тоже раздѣлялъ опасенія Сергія и особенно строго держалъ Кирила. Одно время Кирилъ сталъ юродствовать, за что настоятель назначилъ ему 40-дневный постъ—на хлѣбѣ и водѣ.

Фотот. Шереръ, Набгольцъ и К°

Глухое озеро.

(Стр. 55)

Кириллъ глубоко проникся духомъ своего великаго учителя, его безкорыстіемъ и всепобѣждающей силой его кротости. Бояринъ Романъ, богатый сосѣдъ Бѣлозерскаго монастыря, постоянно помогавшій ему въ частой нуждѣ, хотѣлъ обезпечить его землями и селами. Но Кирилъ не принялъ дара; „ты отпускалъ намъ по пятидесяти четв. хлѣба", отвѣчалъ онъ, „отпускай намъ сто, если можешь; мы будемъ и этимъ довольны, а селами владѣй самъ, для братіи они не полезны".

Вопросъ о владѣніи селами вызывалъ тогда горячіе споры среди монашества. Сергій и его ученики и послѣдователи были противниками монастырскаго землевладѣнія, защитникомъ же его былъ Іосифъ Санинъ, игуменъ Волоколамскаго монастыря.

До насъ дошли посланія Кирила къ вел. князю Василію Дмитріевичу и къ князю можайскому Андрею. Къ первому Кирилъ пишетъ: „Ради Бога будь внимателенъ къ себѣ и ко всему княженію твоему. Какъ на кораблѣ, если ошибется наемный гребецъ, вредъ отъ того бываетъ не важный, если же ошибется кормчій, то губитъ весь корабль; такъ, государь, бываетъ и съ княземъ". И въ другомъ мѣстѣ: „Слышалъ, я что у тебя, великій князь, великое несогласіе съ твоими сродниками, князьями Суздальскими; ты выставляешь свою правду, а они свою; кровь христіанская льется. Осмотрись, государь. Если они правы въ чемъ-либо, уступи имъ смиренно; если въ чемъ правда на твоей сторонѣ, стой за правду". Къ князю Андрею можайскому препод. Кирилъ пишетъ: „Наблюдай, государь, чтобы не было въ твоей области корчемъ; отъ нихъ великая пагуба людямъ, крестьяне пропиваются, а души ихъ гибнутъ. Также пусть не будетъ у тебя таможенныхъ сборовъ—это деньги неправедныя; гдѣ есть перевозъ, государь, слѣдуетъ давать за трудъ. Не лѣнись самъ давать управу крестьянамъ, это вмѣнится тебѣ выше поста и молитвы".

Звенигородскій князь Юрій Дмитріевичъ наслышавши о благочестіи бѣлозерскаго подвижника, собрался пріѣхать въ его обитель. Это смутило преподобнаго, онъ не хотѣлъ ни славы, ни огласки своихъ подвиговъ. „Извѣщаю тебя напередъ“, пишетъ онъ князю, „оставлю монастырь и уйду. Твоей отчины нѣтъ здѣсь; если поѣдешь ты сюда, всѣ люди станутъ говорить: для Кирила поѣхалъ“.

Соловецкая обитель.

Изъ Бѣлозерскаго монастыря просвѣтительное движеніе стало распространяться далѣе, подъ вліяніемъ того же влеченія на сѣверъ, которое побудило и Кирила уйти изъ Андроникова монастыря на Бѣло-озеро. Въ началѣ XV вѣка въ Кириловой обители постригается человѣкъ, неизѣстно намъ откуда пришедшій, и принимаетъ иноческое имя Савватія. Но онъ остается здѣсь недолго и идетъ далѣе на Валаамъ. Здѣсь слышитъ онъ о „студеномъ морѣ“ и объ уединенныхъ его островахъ. Это еще сѣвернѣе, это крайній пунктъ о которомъ въ то время имѣются свѣдѣнія, и вотъ Савватій вмѣстѣ съ валаамскимъ инокомъ Германомъ отправляется туда и достигнувъ этого „студенаго моря“, они вдвоемъ перебираются въ утломъ карбасѣ на Соловецкіе острова. Исторія первоначальнаго заселенія побережій Бѣлаго моря относится ко времени предшествующему прибытію туда преп. Савватія, но подробности первыхъ появленій русскихъ поселенцевъ неизвѣстны. Савватій застаетъ на берегу Бѣлаго моря, на р. Выгѣ, часовню, при которой впослѣдствіи поселяется его спутникъ Германъ. Чувствуя приближеніе смерти, Савватій переѣзжаетъ съ острова на берегъ къ вычегской часовнѣ, гдѣ застаетъ игумена Нафанаила и новгородскаго купца Іоанна, но они тутъ случайно, наѣздомъ.

Послѣ кончины Савватія уединенная его келія на Со-

ловецкомъ островѣ оставалась пустою въ теченіе года, когда на островъ прибылъ великій основатель Соловецкой обители инокъ Зосима. Уроженецъ съ береговъ Онежскаго озера, гдѣ онъ жилъ отшельникомъ, уйдя изъ родительскаго дома, Зосима встрѣтился со старцемъ Германомъ, спутникомъ и сожителемъ Савватія. Отъ Германа онъ услышалъ про „студеное море", про уединенные острова Соловецкіе и тоже возгорѣлся стремленіемъ уйти на этотъ отдаленный сѣверъ. Германъ, очевидно тоже туда стремился, но старый и дряхлый онъ не могъ одинъ выжить тамъ и радъ былъ встрѣчѣ съ молодымъ и сильнымъ спутникомъ. Въ 1438 году Зосима и Германъ прибыли на Соловецкіе острова и на первое время поселились въ шалашѣ, близь прѣсноводнаго озера, гдѣ рыбаки укрывались отъ бурь.

Лѣто иноки пробыли на островѣ вмѣстѣ, поставили себѣ рубленую келью, обнесли мѣсто деревяннымъ тыномъ, взрыли землю и успѣли сдѣлать на островѣ первый хлѣбный посѣвъ. На зиму Германъ опять ушелъ, не въ состояніи будучи выдержать стужи, но къ веснѣ вернулся и привелъ съ собою рыбака, Марка, который здѣсь постригся и занялся ловомъ рыбы. Мало-по-малу начали стекаться на островъ и другіе искатели пустыни и собралась братія. Общими силами была поставлена первая церковь, во имя Преображенія, и затѣмъ былъ посланъ одинъ изъ братіи въ Новгородъ просить благословенія архіерея на освященіе новаго храма и назначенія игумена. Архіепископъ Новгородскій тотчасъ же прислалъ іеромонаха Павла игуменомъ и благословеніе на освященіе храма. Тутъ же въ обители было введено общежитіе.

Соловецкая обитель получила такимъ образомъ иной характеръ, нежели обители Сергіева и Кириллова. Суровость климата требовала гораздо большей заботли-

вости при устройствѣ жилья, а уединенность не допускала возможности надѣяться на существованіе доброхотными жертвованіями. Къ тому же, хотя островъ былъ совершенно пустынный и не принадлежалъ, такъ сказать никому и естественно долженъ былъ принадлежать обители, но береговые поселенцы—новгородцы—оспаривали права иноковъ на островъ: „земли здѣшнія и воды принадлежатъ новгородскимъ боярамъ", говорили они, „а мы ихъ слуги, должны охранять ихъ добро". Они стали тѣснить иноковъ, не давая имъ ловить ни рыбы, ни звѣрей. Тогда пришлось преп. Зосимѣ самому отправиться въ Новгородъ хлопотать у бояръ, чтобы они уступили островъ въ пользу обители. Бояре и выборные отъ пяти концовъ новгородскихъ охотно согласились и выдали Зосимѣ грамоту за восемью печатями свинцовыми. Одна Мареа Борецкая сначала велѣла прогнать его со своего дворца; но потомъ посовѣстилась, призвала его къ себѣ обѣдать и дала ему цѣлое село на берегу н. р. Суши. Итакъ съ первыхъ же шаговъ Соловецкая обитель приняла хозяйственный характеръ, поддерживаемый практическимъ умомъ первыхъ ея обитателей—новгородцевъ. Впослѣдствіи такое направленіе обители, постоянно развиваясь, поставило ее на ту степень высоко-культурнаго значенія, которое она проявляла въ своемъ вліяніи на заброшенный сѣверъ. Въ Соловецкой обители, при самомъ ея основаніи было введено правильное общежитіе, на началахъ общности труда, общности заработка и общности всего имущества, и это начало строго проводилось во все пятивѣковое существованіе обители и сохранилось до сихъ поръ; хозяевами обители всегда считались преподобные Савватій и Зосима, а всѣ остальные, братія и приходящіе богомольцы—работниками на нихъ.

Главнымъ устроителелемъ Соловецкаго монастыря

Фотот. Шереръ, Набгольцъ и К°

Мошинскія болота.

(Стр. 56)

былъ другъ дѣтства царя Ивана Грознаго, боярскій сынъ Ѳедоръ Колычевъ, впослѣдствіи инокъ и игуменъ соловецкій и наконецъ, митрополитъ московскій и всероссійскій, святитель Филиппъ. Въ его время обитель имѣла свои смоляныя и соляныя варницы, свои мельницы и славился монастырскій скотъ. Обитель Соловецкая стала уже извѣстна на всю тогдашнюю Россію. Іоаннъ III, послѣ занятія Новгорода, подтверждаетъ жалованныя грамоты, данныя Соловецкой обители; Іоаннъ Грозный, отправляясь въ походъ къ Казани, шлетъ привѣтъ инокамъ соловецкимъ и проситъ молиться за него: „а государь вамъ, князь великій, о томъ челомъ бьетъ“. Личныя отношенія игумена Филиппа къ царю много содѣйствовали возвышенію обители и ея устроенію. Филиппъ много дѣлалъ на собственныя свои средства, но многое получалъ и отъ царя. Въ его игуменство проведены по острову широкія, прекрасныя дороги, озера соединены каналами и вода проведена въ самый монастырь; заведено въ крупныхъ размѣрахъ оленеводство; построены новыя монастырскія зданія. Наконецъ, имъ же построены два каменныхъ храма.

И другія славныя въ нашей исторіи имена связаны съ именемъ Соловецкой обители; здѣсь окончили жизнь протопопъ Сильверстъ и келарь Сергіева монастыря Авраамій Палицынъ; кромѣ митрополита Филиппа, изъ иноковъ соловецкихъ вышелъ извѣстный духовникъ и другъ Курбскаго Ѳеодоритъ Кольскій; здѣсь же принялъ иночество пришедшій съ богомольцами священникъ Никита, впослѣдствіи патріархъ Никонъ.

Дальній сѣверъ и побережья океана.

Просвѣтительное вліяніе обители въ это время значительно усилилось. Двое ученыхъ, Максимъ-Грекъ и Левъ-Филологъ отмѣчаютъ подъ 1520 годомъ сильное движеніе лопарей къ христіанству, а въ 1526 году съ

Кандалакскаго берега являются въ Москву лопари съ просьбою объ антиминсахъ и священникахъ.

Но все же самый глубокій сѣверъ, побережье Ледовитаго океана, оставался дикимъ и неизвѣданнымъ. Первое письменное извѣстіе объ этомъ краѣ заключается въ отрывочномъ разсказѣ о кольскомъ священникѣ Варлаамѣ, убившемъ изъ ревности свою жену; въ покаяніе Варлаамъ, положивъ трупъ ея въ лодку, взялся за весла и гребя не переставая, ѣздилъ по океану вдоль Мурманскаго берега отъ Кольской губы до Св. Носа (около 300 верстъ), пока трупъ не истлѣлъ, „дондеже мертвое тѣло тлѣнію предадеся“. Это сказаніе до сихъ поръ сохранилось у поморскихъ жителей, но устное преданіе измѣнило имя Варлаама—въ Авраамія, или Абрама. Въ Кольской губѣ теперь указываютъ отвѣсную скалу, носящую названіе Абрамовой пахты. Преданіе говоритъ, что на этой скалѣ сидѣлъ чортъ, заграждавшій выходъ изъ Кольской губы въ Ледовитый океанъ. Этотъ чортъ покидалъ свою пахту, чтобы смущать Авраамія; когда тотъ стоялъ на молитвѣ въ часовнѣ, чортъ входилъ въ его домъ, къ его женѣ, „въ видѣ любовника“, говоритъ устное преданіе. Когда Авраамій проѣхалъ съ трупомъ жены мимо грозной пахты, чортъ въ первый разъ свободно пропустилъ человѣка къ выходу въ океанъ. Когда же Авраамій возвращался съ истлѣвшимъ трупомъ жены, чорта уже не было и выходъ въ океанъ съ тѣхъ поръ свободенъ.

Конечно, такіе легендарные подвиги вызывали и легендарныя сказанія, но не имѣли просвѣтительнаго вліянія. Дѣятельность просвѣтительская на самомъ отдаленномъ сѣверѣ принадлежитъ Трифону Печенгскому, сыну священника изъ окрестностей г. Торжка, слѣдовательно новгородцу по происхожденію, и Θеодориту Кольскому, москвичу родомъ и постриженнику Соловецкой обители.

Трифонъ Печенгскій.

Трифонъ, въ мірѣ Митрофанъ, пришелъ въ печенгскіе лѣса въ первой половинѣ XV вѣка, и подъ видомъ дѣлъ торговыхъ, сталъ заводить сношенія съ лопарями. Тутъ онъ изучилъ ихъ вѣрованія и языкъ. Князь Курбскій, въ своемъ разсказѣ о дѣятельности Θеодорита говоритъ о лопаряхъ: „Яко самъ онъ", т. е. Θеодоритъ, „повѣдалъ ми, иже той языкъ" (народъ) „лопскій люди зело просты и кротцы и отнюдь всякаго лукавства неискусны". На эту сторону характера лопарей конечно и воздѣйствовалъ преп. Трифонъ и привлекалъ къ себѣ наивныхъ и смирныхъ инородцевъ, подобно тому какъ и Стефанъ Пермскій—зырянъ, кротостью и неутомимостью въ своемъ подвигѣ. Разсказы Трифона изъ священной исторіи, изъ временъ Авраама и Моисея, наконецъ изъ жизни Христа, собирали вокругъ него толпы слушателей, на которыхъ, какъ на дѣтей, производила сильное впечатлѣніе самая форма, т. е. связность разсказа, а затѣмъ необыкновенная духовная сила личностей праотцевъ и простое величіе земной жизни Христа и евангельскаго ученія. Очевидно это болѣе удовлетворяло ихъ безсознательной духовной потребности, нежели ученіе ихъ кудесниковъ; спокойное міросозерцаніе этихъ сѣверянъ, постоянно окруженныхъ величавою, но вмѣстѣ съ тѣмъ унылою природой, въ которой нѣтъ жизненной силы юга, въ которой все спокойно и торжественно, которая постоянно напоминаетъ о существованіи чего—то недоступнаго человѣку, внѣчеловѣческаго— не могло удовлетвориться представленіемъ о невидимыхъ силахъ природы въ грубыхъ деревянныхъ, или каменныхъ изображеніяхъ. Какъ Стефанъ Пермскій, такъ и Трифонъ Печенгскій привлекъ народъ на свою сторону, а противъ него были кудесники, съ которыми главнымъ образомъ и приходилось бороться.

Борьба эта была трудная и опасная. Кудесники не-

однократно возстановляли толпу противъ Трифона и ему приходилось укрываться въ глубокихъ разсѣлинахъ скалъ. Двадцать лѣтъ, говоритъ житіе преп. Трифона, работалъ онъ одинокій и только тогда рѣшился идти въ Новгородъ просить благословенія архіепископа Макарія на сооруженіе церкви, когда лопари стали чаще и чаще приходить креститься. Но все же построенная имъ церковь три года оставалась неосвященною и безъ священника (Трифонъ не былъ въ этомъ санѣ), пока онъ не встрѣтилъ въ Колѣ, гдѣ тогда уже начали селиться русскіе, іеромонаха Илію, котораго и уговорилъ переселиться съ нимъ на Печенгу, къ новому храму. Присутствіе на Печенгѣ освященнаго храма понемногу стало привлекать туда другихъ подвижниковъ и въ числѣ ихъ соловецкаго инока Ѳеодорита. На Печенгѣ основалась обитель, нынѣшній монастырь св. Трифона. Сказаніе о случившемся въ это время голодѣ передаетъ, что небывалые морозы побили хлѣбъ и овощи; стало быть и то и другое было заведено тамъ Трифономъ.

Голодъ вынудилъ его идти опять въ людныя новгородскія области, собирать подаянія на монастырь. Къ этому времени относится и прибытіе Трифона вмѣстѣ съ Ѳеодоритомъ въ Москву и встрѣча ихъ съ царемъ Іоанномъ Грознымъ, когда тотъ шелъ въ Успенскій соборъ къ обѣднѣ. Преданіе говоритъ, что царь, увидя двухъ иноковъ, идущихъ ему навстрѣчу, спросилъ: „Откуда вы?“ Окружающіе царя не видѣли съ кѣмъ это онъ говоритъ, и дѣйствительно, Трифонъ и Ѳеодоритъ только на другой день прибыли въ Москву и встрѣтили царя опять идушаго къ обѣднѣ съ сыномъ своимъ Ѳеодоромъ. Иноки подали свою челобитную царю, который принялъ ихъ милостиво, говоря: „Вчера я васъ уже видѣлъ, а теперь иду въ церковь“; царевичъ же Ѳеодоръ,

ушелъ въ боковой придѣлъ, снялъ съ себя верхнюю одежду и послалъ ее Трифону, поручивъ передать ему что для того это дѣлаетъ, „чтобы милостыня его предварила царскую“. Эта двойная встрѣча и завѣреніе иноковъ, что они только сегодня пришли въ Москву очевидно повліяла и на царя и на царевичей. Челобитная Трифона была удовлетворена съ большою щедростью: Печенгскому монастырю были даны на пропитаніе въ вотчину морскія губы: Мотоцкая, Илицкая, Урская, Печенгская, Пазрѣцкая и Навденская (послѣднія двѣ принадлежатъ нынѣ Норвегіи, а въ то время, слѣдовательно, входили въ составъ русскаго побережья), съ рыбными ловлями въ морѣ и въ рѣкахъ, съ окрестными землями, лѣсами и озерами и съ лопарями. Жалованная грамота, помѣченная 1556 годомъ, начинается такъ: „По умоленію дѣтей своихъ, царевичей Іоанна и Ѳеодора Іоанновичей, пожаловали мы“ и т. д.

Въ память этого пожалованія Трифонъ построилъ на Пазъ-рѣкѣ, на теперешней норвежской границѣ, храмъ во имя святыхъ Бориса и Глѣба. Храмъ этотъ, разрушенный шведами и опять возстановленный, стоитъ и понынѣ. Онъ изображенъ на одномъ изъ большихъ холстовъ отдѣла „Сѣверъ“. Общество Московско-Ярославско-Архангельской желѣзной дороги поставило возлѣ храма небольшой деревянный домъ, гдѣ бы могли останавливаться путешественники, посѣщающіе нашу далекую окраину.

Обитель расширялась и богатѣла, но Трифонъ ни въ чемъ не измѣнилъ своей трудовой жизни. Преданіе говоритъ, что купивъ однажды ручные жернова для обители онъ самъ на своихъ плечахъ притащилъ ихъ изъ Колы, по горамъ и болотамъ, 150 верстъ.

Θеодоритъ Кольскій.

Θеодоритъ, сподвижникъ Трифона, былъ человѣкомъ выдающагосяума и дѣятельности. Раннее его прошлое неизвѣстно, но позднѣйшая близость его къ кн. Курбскому и то, что царь возложилъ на него серьезное дипломатическое порученіе къ патріарху константинопольскому, свидѣтельствуютъ о его московскомъ и знатномъ происхожденіи; наконецъ, Θеодоритъ былъ, по тогдашнему, высоко образованъ; ему принадлежитъ переводъ молитвъ на лопарскій языкъ.

Исторія застаетъ его въ Соловецкомъ монастырѣ іеродіакономъ. Стало быть и онъ подчинился тогдашнему влеченію на сѣверъ и не удовлетворившись постриженіемъ въ Соловецкой обители, ушелъ далѣе на берега океана, гдѣ и встрѣтился съ Трифономъ.

Подобно Сергію, Θеодоритъ обладалъ этою русскою чертою просто и безыскуственно относиться къ самымъ сложнымъ положеніямъ. Съ Трифономъ онъ рубитъ лѣсъ и таскаетъ бревна на постройку; затѣмъ создаетъ крупный духовно-литературный трудъ переводя молитвы на лопарскій языкъ; наконецъ, исполняетъ серьезное дипломатическое порученіе въ Константинополѣ, послѣ котораго опять возвращается на далекій, уединенный сѣверъ.

О посылккѣ Θеодорита въ Константинополь Курбскій разсказываетъ слѣдующимъ образомъ: „И призываетъ его царь къ себѣ, какъ мужа искуснаго и мудраго, и посылаетъ его къ патріарху константинопольскому, прося благословенія „о коронаціи“ и о таковомъ же благословеніи на вѣнчаніе по чину вѣнчанія цезарей римскихъ, изъ христіанъ, какъ они были вѣнчаны папами и патріархами“. Порученіе это имѣло въ то время большое значеніе: Іоаннъ Грозный считалъ себя почему-то какъ бы преемникомъ римскихъ императоровъ, говоря: „Мы отъ Августа—Кесаря родомъ ведемся“.

Θеодоритъ исполнилъ порученіе вполнѣ удачно и привезъ Іоанну благословеніе патріарха и соборное посланіе о возведеніи великаго князя въ санъ царскій. Курбскій говоритъ, что Іоаннъ былъ очень обрадованъ и подарилъ Θеодориту „триста серебренниковъ великихъ и кожухъ драгихъ соболей подъ оксамитами". Θеодоритъ отказался, говоря, что „серебренники и драгоцѣнными одеждами азъ не обыкохъ наслаждатися". Но когда царь сталъ настаивать, то онъ взялъ двадцать серебренниковъ и тутъ же роздалъ нищимъ, а когда царь все же прислалъ ему соболью шубу крытую бархатомъ, то Θеодоритъ и ее продалъ и тоже роздалъ деньги милостыней.

Изъ Москвы Θеодоритъ ѣдетъ въ Вологду, оттуда въ Холмогоры, оттуда Двиной „рѣкой великой" до моря, а моремъ до Печенги. Курбскій дивится его энергіи и неутомимости: „Лѣтомъ плавающу ему по морю, зимою же на пРыткошественныхъ еленяхъ ѣздяще по непроходнымъ пустынямъ, и посѣщающе дѣтей своихъ духовныхъ, яко мниховъ оныхъ, такъ и лопяновъ".

Вотъ какъ совершалось заселеніе и просвѣщеніе далекаго сѣвера. Преподобный Сергій осѣнилъ это движеніе своимъ могучимъ благословеніемъ, и оно, не переставая, проходитъ все дальше и дальше въ глушь тогдашнихъ необъятныхъ лѣсовъ и достигаетъ Ледовитаго океана. Туда идетъ сынъ знатнаго боярина и товарищъ дѣтства молодого царевича, будущаго Грознаго царя, Θедоръ Колычовъ; туда же идутъ Кирилъ и Θерапонтъ Бѣлозерскіе и Кирилъ Новоозерскій, принадлежавшіе къ знатнымъ родамъ Вельяминовыхъ, Бѣлыхъ и Поскочиныхъ; идутъ и выдающіеся государственные дѣятели: Сильвестръ и Θеодоритъ; идутъ скромные, неизвѣстнаго рода и племени подвижники Савватій, Зосима, Трифонъ. Всѣ они одухотворены однимъ общимъ стремленіемъ къ подвигу, внушеннымъ имъ ихъ общимъ духовнымъ родо-

начальникомъ Сергіемъ, но не къ подвигу аскетическому, а къ подвигу на пользу людей и на пользу великой родины. „Да будетъ съ вами милость Божія и Пречистой Богоматери и молитвы преподобнаго Сергія“, говорилъ умирающій Антоній Сійскій, благословляя братію. Въ послѣднія минуты жизни Кирила Новоозерскаго Александръ Свирскій послалъ къ нему за благословеніемъ ученика своего Никифора; Кирилъ призвалъ его и свою братію собралъ и говорилъ имъ: „Плачьте, братія, предъ Господомъ за твердость Русскаго царства“.

Какъ уже было упомянуто, послѣдователи Сергія были носителями и просвѣщенія, и стремленія къ красотѣ; потребность обставить художественно свое пустынное житье постоянно сказывается въ ихъ творческой дѣятельности. Почти всѣ они останавливаются на мѣстахъ, поражающихъ ихъ красотой окружающей природы. Но кромѣ того многіе изъ нихъ были сами страстными художниками и не только не отвергали искусства, какъ аскеты первыхъ вѣковъ, а напротивъ, находили въ немъ сторону возвышающую земную жизнь. Такъ, преемникъ Сергія по игуменству, Никонъ, призываетъ извѣстныхъ художниковъ, иноковъ Андроникова монастыря Даніила и Андрея, и расписываетъ монастырскій соборъ, вновь воздвигаемый послѣ Едигеева разоренія. Даніилъ и Андрей обучались письму у греческихъ мастеровъ и расписали много храмовъ. Ихъ кисти письмо Благовѣщенскаго собора, собора въ Сергіевой обители, храма Спаса въ Андрониковомъ монастырѣ, собора во Владимірѣ и другихъ. Они основали цѣлую школу живописцевъ въ Андрониковомъ монастырѣ, создавшую многихъ искусныхъ мастеровъ, изъ которыхъ особенно извѣстенъ инокъ Игнатій, расписавшій Симоновъ монастырь. Стефанъ Пермскій среди своей апостольской дѣятельности находилъ время заниматься живописью и скульптурой изъ

Фотот. Шереръ, Набгольцъ и К°

Провалъ насыпи.

(Стр. 56)

дерева. Антоній Сійскій, призывавшій молитвы преп. Сергія на свою обитель, былъ замѣчательный художникъ. Въ его обители на р. Сіи (притокъ Сѣв. Двины) до сихъ поръ сохранились иконы его письма; много его иконъ находится и по другимъ церквамъ Архангельской губерніи. И онъ основалъ цѣлую школу живописи въ своей обители.

Такъ шли эти подвижники на свое великое просвѣтительное дѣло, отказываясь отъ золотыхъ крестовъ митрополичьихъ, отъ богатыхъ одеждъ и серебра царскаго, отъ своей знатности и высокаго общественнаго положенія. Шли скромно, но твердо; съ крестомъ въ рукѣ выходили навстрѣчу дикимъ толпамъ инородцевъ, усмиряя ихъ не вооруженной рукой, а силой духовной; сами ворочали холодныя Соловецкія и Валаамскія каменныя глыбы, на плечахъ своихъ таскали бревна, переносили на спинѣ тяжелые жернова на десятки и сотни верстъ. Тамъ, въ дикихъ лѣсахъ и на берегахъ „Студенаго моря“ зажигаютъ они свои скромныя лампады, которыя едва мерцаютъ, но не гаснутъ. Убогая келья Савватія и Зосимы выростаетъ въ цѣлый городъ—обитель и даже въ крѣпость, выдерживающую бомбардированіе англичанъ; Пермскій край начинаетъ жить широкой горнопромышленной жизнью; убогая церковь преп. Трифона, разрушенная шведами вскорѣ по его кончинѣ и вновь возстановленная при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, все же стоитъ одинокимъ хранителемъ нашей грани со скандинавскими государствами, пока ея не замѣнитъ на этомъ постѣ новый городъ и портъ въ незамерзающей Екатерининской гавани.

Проходятъ вѣка, и новыя времена создаютъ новыя условія и даютъ новыя средства. По непроходимымъ лѣсамъ и болотамъ, гдѣ безъ путей, по мхамъ и тундрамъ одиноко пробирались старцы-подвижники, проклады-

ваются рельсовые пути, гудитъ паръ и свистятъ паровозы, протягиваются телеграфныя проволоки; непріютное Бѣлое море и Сѣверный Ледовитый океанъ, гдѣ на утлой лодочкѣ перебрались на свой островъ дряхлые иноки Савватій и Германъ, гдѣ исполинъ Варлаамъ отмаливалъ свой грѣхъ, выгребая одинъ противъ океанскихъ волнъ съ трупомъ жены въ лодкѣ—прорѣзаются стройными пароходами вдоль всего побережья; въ тотъ край гдѣ тускло горѣли лампады передъ иконами уединенныхъ храмовъ, теперь съ шумомъ врывается новая жизнь, овладѣвшая силой пара и блескомъ электрическаго свѣта.

Новое движеніе на сѣверъ.

Стремленіе на далекій сѣверъ нашихъ богатырей—просвѣтителей, составляло характерную черту московскаго періода нашей исторіи конца XIV и XV вѣка.

Движеніе это пошло черезъ Сергіеву обитель, откуда его ученики и послѣдователи, понесли въ невѣдомую тьму священный огонь просвѣщенія. Тамъ они встрѣчаются съ другимъ движеніемъ, исходящимъ изъ Новгорода, но это послѣднее вовсе не носитъ того самоотверженнаго характера, которымъ были одушевлены послѣдователи Сергія. Новгородцы шли туда съ цѣлями промышленными и съ цѣлью завладѣть, а потому недружелюбно относились къ московскимъ пришельцамъ.

Въ слѣдующій періодъ — царскій, послѣдніе акты борьбы съ татарами, затѣмъ смутное время и исправленіе поврежденій, причиненныхъ имъ государственному организму, отвлекали вниманіе государей въ другую сторону, и только при Петрѣ опять возникаетъ вопросъ о значеніи сѣвера. Императоръ Петръ I три раза посѣщалъ Архангельскъ, и со свойственной ему быстротой приведенія своихъ рѣшеній въ исполненіе, завелъ

тамъ цѣлый флотъ. Въ послѣдній свой пріѣздъ, вмѣстѣ съ царевичемъ Алексѣемъ, (1702 г.), Петръ выходитъ въ Бѣлое море на 13 корабляхъ съ 4,000 преображенцевъ на встрѣчу шведскому флоту. Но шведовъ не оказалось въ Бѣломъ морѣ и царь, высадившись близь нынѣшняго Сумскаго посада, проходитъ на Повѣнецъ и тутъ задумываетъ планъ воднаго соединенія бассейновъ Бѣлаго и Балтійскаго моря черезъ озера Выгъ, Онежское и Ладожское, съ ихъ рѣчными системами.

Но Петръ придавалъ значеніе Архангельску только какъ морскому порту и такъ-же быстро оставилъ его, когда наконецъ утвердился на Балтійскомъ побережьи и тѣмъ удовлетворилъ своему неутомимому „исканію моря“. Архангельскъ былъ не только забытъ, но изъ фаворитовъ попалъ сразу въ опалу и Петръ, какъ-бы ревнуя его къ своему молодому любимцу Петербургу, издаетъ указъ (1722 г.), которымъ воспрещаетъ привозить къ Архангельску, моремъ, болѣе товаровъ, нежели сколько нужно для потребностей губерніи. Торговое значеніе Архангельска въ это время уже сильно развилось: такъ въ 1694 г. къ нему прибыло 50 кораблей, въ 1700—64, въ 1702—49, въ 1708—208 и въ 1716—233; при этомъ годовая цѣнностъ торговаго оборота по привозу и вывозу достигала полутора милліона рублей, суммы очень значительной по тогдашнему счету.

Екатерина II властной рукой направила нашу государственную дѣятельность на югъ, и данный ею импульсъ продолжалъ дѣйствовать и въ послѣдующія царствованія. Лишь при императорѣ Александрѣ III вниманіе правительства вновь было обращено на сѣверную окраину, до того какъ-бы заброшенную и забытую въ продолженіи долгаго времени. Еще будучи наслѣдникомъ престола императоръ Александръ III сталъ во главѣ новаго движенія на сѣверъ, первые шаги котораго от-

носятся къ 60-мъ годамъ; какъ тогда, въ первое время московскаго періода, такъ и теперь оно возникло въ Москвѣ и направилось черезъ Сергіеву обитель, какъ-бы для того, чтобы получить благословеніе преподобнаго игумена Радонежскаго, прежде чѣмъ продолжать далѣе свою культурную миссію.

Въ началѣ 60-хъ годовъ въ Москвѣ издается спеціальный журналъ „Вѣстникъ Промышленности", подъ редакціей проф. политической экономіи И. Бабста и бывш. проф. математики Ѳ. В. Чижова.

Въ то время преобладанія ученій свободной торговли направленіе журнала было въ Россіи новое, опозиціонное; оно впрочемъ шло въ разрѣзъ и съ экономическимъ теченіемъ, преобладавшимъ тогда на западѣ и только изъ Филадельфіи раздавался смѣлый голосъ Кэри, доказывавшаго необходимость защиты отечественной промышленности. Другой, такой же смѣльчакъ, нашелся и въ Москвѣ въ лицѣ главнаго редактора „Вѣстника Промышленности"—Ѳ. В. Чижова.

Въ Москвѣ въ это время уже стало вполнѣ обрисовываться сочувственное этому новому ученію движеніе среди крупной промышленности и уже тогда доказывалась полная возможность вырабатывать въ Россіи не только шелковыя ткани, но и шелковую пряжу. Въ этомъ же направленіи, такъ сказать отечественномъ, стали раздаваться голоса въ пользу постройки и желѣзныхъ дорогъ русскими дѣятелями и на русскіе капиталы.

Съ этимъ временемъ совпала отмѣна винной откупной системы и многіе капиталы, вложенные въ откупа, освободились; однако не покидая выгоднаго виннаго дѣла, они были вновь помѣщены въ открывавшіеся тогда во множествѣ винные склады.

Но изъ среды бывшихъ откупщиковъ выдѣлилась группа, которая предпочла бросить это дѣло и стала искать

болѣе нравственнаго помѣщенія своихъ средствъ. Очевидно это были люди, стоявшіе выше общаго уровня и понимавшіе, что кромѣ личной пользы, выше ее, стоитъ польза общественная. Какъ ни странно видѣть, что такое свѣтлое самосознаніе проявилось въ средѣ бывшихъ откупщиковъ, не слѣдуетъ забывать, что такой тонкій психологъ и знатокъ русской жизни, какъ Гоголь, выставилъ типомъ такого русскаго самородка—откупщика Муразова.

Такая группа бывшихъ откупщиковъ составилась и въ Москвѣ. Во главѣ ея стоялъ И. Ѳ. Мамонтовъ, крупный московскій домовладѣлецъ, а вокругъ него сгрупировались, тоже бывшіе откупщики, братья Д. П. и Н. П. Шиповы, и Н. Г. Рюминъ. Къ этому кружку примкнулъ инженеръ бар. А. И. Дельвигъ, завѣдывавшій тогда устройствомъ мытищинскаго водопровода. Имъ приходитъ мысль построить желѣзную дорогу отъ Москвы до Сергіевскаго посада.

Въ то время въ Россіи было еще очень немного рельсовыхъ путей. Кромѣ небольшой Царскосельской вѣтви, была окончена Николаевская желѣзная дорога; Варшавская не была еще доведена до Варшавы, а Рязанская и Южная были только въ постройкѣ. Но уже тогда среди будущихъ строителей разгаралиcь апетиты строить дороги или концесіоннымъ способомъ, или съ возможнымъ преобладаніемъ облигаціонныхъ капиталовъ, т. е. съ наименьшей затратой собственныхъ средствъ.

Строители Сергіевской дороги приступили къ дѣлу совершенно иначе; они образовали только акціонерный капиталъ, т. е. приняли всю стоимость постройки на собственныя средства. Словомъ, съ самого своего основанія это было предпріятіе, веденное на чистоту. При тогдашней новизнѣ желѣзнодорожнаго дѣла было вполнѣ возможно искусственно вздуть предварительную разцѣнку

постройки, въ дѣйствительности же произвести ее гораздо дешевле, т. е. покрыть издержки однимъ, или почти однимъ облигаціоннымъ (занятымъ) капиталомъ, а гарантированныя акціи оставить себѣ и такимъ образомъ, почти безъ затраты, получить въ нихъ какъ бы правительственныя процентныя бумаги. Если этимъ, или приблизительно такимъ способомъ составлялись у насъ крупныя состоянія, то къ Сергіевской дорогѣ онъ не былъ примѣненъ; въ этомъ выдающаяся заслуга ея строителей. Это было болѣе хозяйственное, нежели финансовое предпріятіе.

Другое крупное ея значеніе заключалось въ томъ, что это была первая русская частная дорога; это былъ настоящій переворотъ въ желѣзнодорожной строительной дѣятельности, до того исключительно замкнутой въ кругѣ казенныхъ построекъ, или составлявшей какъ бы привилегію французской компаніи. Наконецъ дорога вышла образцовою и по устройству и по строгой бережливости, съ какою она была построена. Страшный фантомъ непомѣрной, будто бы, стоимости проведенія рельсовыхъ путей въ Россіи можно считать разсѣяннымъ именно съ этого времени. Эти смѣлые новаторы—москвичи были тотчасъ же замѣчены такимъ прозорливымъ государственнымъ человѣкомъ, какъ тогдашній министръ путей сообщенія Чевкинъ, и всегда пользовались полнымъ его расположеніемъ.

Нужно было имѣть много мужества, чтобъ идти на перекоръ установившимся уже пріемамъ, дававшимъ при томъ такія крупныя и несомнѣнныя выгоды. Дѣло было совершенно новое, статистическаго матеріала о сѣверномъ краѣ не было никакого, при томъ самое предпріятіе считалось безвыгоднымъ, а строители затрачивали въ него только свои личныя средства. Но, горячіе патріоты и вполнѣ чистые люди, они твердо довели свое

трудное дѣло до конца. Дорога первое время оказалась, дѣйствительно, малодоходною, касса часто была пуста, и предсѣдатель правленія, И. Ѳ. Мамонтовъ, не однократно не добиралъ причитавшагося ему содержанія.

Преданіе передаетъ въ высшей степени характерную черту изъ первыхъ шаговъ строительной дѣятельности этой группы москвичей: для опредѣленія вѣроятной грузопровозной работы будущаго рельсоваго пути, они по очереди выѣзжали на зарѣ къ ярославской (Крестовской) заставѣ и считали проходившіе воза съ грузомъ.

Дорога уже была проведена до Сергіевскаго посада, когда въ общество вступилъ Ѳ. В. Чижовъ; между тѣмъ въ 1869 году умираетъ глава кружка – И. Ѳ. Мамонтовъ, другіе учредители еще прежде оставили дѣятельное и близкое участіе въ завѣдываніи дѣломъ, и оно всецѣло переходитъ въ руки Чижова.

Ѳедоръ Васильевичъ Чижовъ былъ человѣкъ выдающійся во всѣхъ отношеніяхъ. Кандидатъ Петербургскаго университета и профессоръ въ томъ-же университетѣ по кафедрѣ математики, затѣмъ близкій другъ Гоголя и художника Иванова, творца явленія Христа народу, самъ любитель и знатокъ живописи, особенно древней итальянской, онъ въ молодости какъ будто обозначилъ свой путь въ области науки и искуства. Но для этого человѣка одного пути было мало, потому что ему всѣ были доступны и онъ на всѣхъ проявлялъ самобытность и творчество. Путешествуя за-границей, сначала по славянскимъ землямъ, а потомъ въ Италіи, куда его всегда особенно тянули его художественныя влеченія, онъ случайно узнаетъ, что на противоположномъ берегу Адріотики, въ Далмаціи, православная церковь приходитъ въ полный упадокъ, и вотъ-вотъ должна быть закрыта австрійскимъ правительствомъ подъ тѣмъ предлогомъ, что церковная утварь и ризы слишкомъ ветхи

и что совершать богослуженіе при такой обстановкѣ неприлично; возстановить же обветшалые предметы, или замѣнить ихъ новыми, если и не возбранялось закономъ, то фактически было невозможно для бѣдныхъ средствами и пригнетенныхъ далматинцевъ.

Ѳ. В. Чижовъ не останавливается передъ смѣлымъ предпріятіемъ и перевозитъ по Адріатическому морю все необходимое для возстановленія церкви. Предупрежденные далматинцы встрѣчаютъ его толпой на берегу въ праздничныхъ одеждахъ, т. е. въ полномъ вооруженіи, и не допускаютъ австрійскихъ стражниковъ перехватить драгоцѣннаго груза. Такимъ образомъ предлогъ для закрытія православнаго храма былъ устраненъ.

Этотъ смѣлый поступокъ не замедлилъ вызвать серьезную переписку между австрійскимъ и русскимъ правительствами и когда Ѳ. В. возвращался на родину, то по переѣздѣ границы былъ арестованъ и доставленъ въ Петербургъ. Здѣсь не мѣсто описывать въ высокой степени интересныя отношенія между арестованнымъ и представителями правительственной власти; достаточно сказать, что въ то время, при полной силѣ политики графа Нессельроде, положеніе дѣла считалось въ высшей степени серьезнымъ.

Но Ѳ. В. нашелъ себѣ высокаго заступника въ лицѣ императора Николая, который прочтя отвѣты его на предложенные вопросные пункты, приказалъ его освободить, однако съ воспрещеніемъ жительства въ столицѣ.

Мѣстомъ своего пребыванія Ѳ. В. избралъ Кіевъ; тутъ онъ завелъ плантацію тутовыхъ деревьевъ и съ жаромъ занялся разведеніемъ шелковичныхъ червей. Какимъ процессомъ мысли, или при какой, можетъ быть случайной, обстановкѣ останавливается онъ на этомъ поприщѣ дѣятельности—неизвѣстно. Но онъ занимается горячо этимъ совершенно новымъ и для него

Фотот. Шереръ, Набгольцъ и Ко

Настилъ по болоту.

(Стр. 56)

и для края дѣломъ, издаетъ монографіи о шелководствѣ и доказываетъ, что оно вполнѣ возможно въ средней полосѣ Россіи. Извѣстно, что въ настоящее время разведеніе тутовыхъ деревьевъ среди крестьянъ Курской губерніи получило широкое распространеніе и составляетъ одинъ изъ предметовъ оживленной дѣятельности мѣстныхъ земствъ.

Лишь послѣ кончины императора Николая, Ѳедору Васильевичу было возвращено право въѣзда въ столицы; онъ поселяется въ Москвѣ и сближается съ кружкомъ славянофиловъ: Хомяковымъ, Кирѣевскими, Аксаковыми, Самаринымъ и др. Высоко цѣня и уважая отдѣльныхъ представителей этого направленія, онъ однако ему не подчиняется, не становится самъ славянофиломъ и нетерпимымъ, а сохраняетъ свою самобытность и остается православно-русскимъ.

Его появленіе въ Москвѣ совпадаетъ съ тѣмъ національнымъ движеніемъ, которое тогда начало обрисовываться въ средѣ московскаго промышленнаго общества; вполнѣ сочувствуя ему, именно и только какъ національному, Ѳ. В. приступаетъ къ изданію своего экономическаго журнала—Вѣстника Промышленности. Это и было началомъ окончательно установившагося дальнѣйшаго направленія его дѣятельности въ области финансовыхъ предпріятій. Онъ вскорѣ вступаетъ виднымъ участникомъ, а затѣмъ, послѣ смерти И. Ѳ. Мамонтова, и руководителемъ общества Московско-Ярославской желѣзной дороги, которую доводитъ до Вологды. Онъ является однимъ изъ главныхъ дѣятелей при учрежденіи Московскаго купеческаго банка и Московскаго общества взаимнаго кредита; онъ же становится во главѣ крупныхъ капиталистовъ, пріобрѣтающихъ отъ правительства Московско-Курскую желѣзную дорогу.

„Все дѣлаютъ для юга“, говаривалъ онъ, приступая

къ Вологодской линіи, „вся правительственная и частная дѣятельность туда направлена, о сѣверѣ же совсѣмъ забыли; пора помочь этому заброшенному краю". Въ 70-хъ годахъ это становится главной мыслью, направляющей его стремленія и дѣятельность, и онъ задумываетъ, и вскорѣ осуществляетъ, организацію правильнаго пароходнаго движенія по Бѣлому морю и Сѣверному Ледовитому океану, организуя товарищество Архангельско-Мурманскаго срочнаго пароходства.

Это было послѣднимъ дѣломъ его жизни, послѣднимъ финальнымъ акордомъ, который составилъ какъ-бы разгадку всего характера этого удивительнаго человѣка. Дѣйствительно, людямъ очень сильнымъ всегда свойственно поддерживать и помогать слабому. Эта отличительная черта проходила черезъ всю жизнь Ѳ. В. Чижова. На этой почвѣ въ немъ такъ гармонировали казалось бы несовмѣстимыя противоположности: необыкновенная мягкость души съ желѣзной волей, несокрушимой энергіей и всепобѣждающей силой творческаго духа.

Замѣчательная и разнообразная жизненная дѣятельность его прекрасно очерчена въ рѣчи одного изъ ближайшихъ его друзей, И. С. Аксакова, произнесенной 18 декабря 1877 года, по случаю его кончины. Говоря объ участіи Ѳедора Васильевича въ постройкѣ Московско-Ярославской желѣзной дороги, Аксаковъ оцѣниваетъ это участіе словами: „онъ отдался дѣлу душой и сталъ душою дѣла". И таковъ былъ всегда этотъ тонкій художникъ, этотъ энтузіястъ поддержанія православія и національнаго самосознанія въ славянскихъ народахъ, этотъ юношески увлекающійся шелководъ, этотъ суровой практикъ и дальновидный финансистъ.

Весь всегда отдававшійся дѣлу, всегда забывавшій о себѣ, всегда безкорыстный, онъ провелъ большую часть

жизни болѣе чѣмъ въ стѣсненной матеріальной обстановкѣ. Но и впослѣдствіи, получая крупныя содержанія по различнымъ банковымъ учрежденіямъ и желѣзнодорожнымъ предпріятіямъ, которыя онъ создалъ и велъ, Ѳ. В. нисколько не измѣнилъ своимъ спартанскимъ привычкамъ, и традиціонный разорванный клеенчатый диванъ составлялъ неотъемлемую принадлежность его скромной квартиры въ меблированныхъ комнатахъ. Единственная роскошь, которую онъ себѣ позволилъ подъ конецъ жизни, когда его желѣзный организмъ былъ уже надломленъ не столько годами, сколько болѣзнью, была собственная карета, въ которой дверцы не отворялись бы отъ каждаго порыва вѣтра, и небольшой домъ на Кудринской Садовой, гдѣ можно было устроиться такъ, чтобы не дуло отъ каждаго окна и отъ пола, какъ въ его прежнихъ квартирахъ. „Старъ я становлюсь“ говорилъ онъ какъ бы въ оправданіе этой роскоши: „приходится себя въ футляръ запрятать“. Но традиціонный клеенчатый диванъ все же перебрался съ нимъ на новоселье въ собственный домъ, гдѣ жизнь продолжалась въ той же студенческой обстановкѣ. Среди этой простой обстановки было однако нѣсколько настоящихъ сокровищъ; то были три картины: Брюлова, Лосенка и Лампи, обширная библіотека, и среди ея печатныхъ томовъ, нѣсколько томовъ рукописныхъ — собственноручный дневникъ Ѳ. В. Чижова, начатый имъ съ 30-хъ годовъ, но урывками, а затѣмъ съ 50-хъ годовъ веденный безъ перерыва изо дня въ день. Исторія этого дневника замѣчательна: по какому-то случаю Ѳ. В. остался недоволенъ собой, главное недоволенъ отсутствіемъ настойчивости—онъ, противъ воли, что-то уступилъ. И вотъ онъ налагаетъ на себя эпитимью ежедневнаго писанія своего дневника и выдерживаетъ ее въ теченіе двадцати слишкомъ лѣтъ; послѣдній день

записей дневника помѣченъ 14 ноября 1877 года, днемъ его смерти. Дневникъ этотъ, согласно посмертной волѣ автора, переданъ запечатаннымъ въ Румянцевскій музей и можетъ быть открытъ лишь спустя сорокъ лѣтъ послѣ его смерти — въ 1917 году; въ этотъ же музей передана его библіотека и три картины.

Но это не одно, что завѣщалъ Ѳ. В. Чижовъ своей родинѣ. Всегда горячо любя и сочувствуя всей молодежи, цѣня въ ней ея порывы, нѣжно и снисходительно относясь къ ея увлеченіямъ и даже ошибкамъ, онъ ей завѣщалъ результаты трудовъ всей своей жизни. Въ качествѣ учредителя общества Московско-Курской желѣзной дороги, онъ былъ владѣльцемъ крупнаго капитала въ акціяхъ этой дороги, хотя находившихся при жизни его и нѣсколько лѣтъ послѣ смерти въ залогѣ, по обезпеченію долга Общества, но тѣмъ не менѣе представлявшихъ большую цѣнность.

Любовь его къ молодежи, желаніе принести ей пользу, помочь ей выбиться изъ нужды, съ которой онъ самъ такъ близко былъ знакомъ въ молодости, подсказали ему мысль о томъ назначеніи, которое слѣдовало дать оставляемому имъ крупному капиталу *); для него было несомнѣнно ясно, что этотъ капиталъ долженъ быть оставленъ истиннымъ, по сердцу, его наслѣдникамъ— русской молодежи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ясно понималъ, и часто это высказывалъ, что лишь то достояніе прочно, которое трудомъ пріобрѣтено. Поэтому, оставляя на пользу молодежи все свое огромное состояніе, которымъ самъ онъ никогда не пользовался, Ѳедоръ Васильевичъ въ своемъ завѣщаніи указалъ тотъ путь, которымъ молодежь всего лучше для себя можетъ достигнуть прочнаго положенія въ

*) Ѳ. В. Чижовъ всю жизнь оставался холостымъ, безсемейнымъ.

жизни. Путь этотъ: просвѣщеніе свѣтомъ науки и привычка къ труду. Онъ завѣщалъ крупный капиталъ свой на устройство въ Костромской губерніи пяти професіональныхъ училищъ, въ которыхъ, на-ряду съ общеобразовательнымъ обученіемъ, преподавались бы ремесла и техническія производства, и такимъ образомъ со школьной скамьи намѣчалась бы будущая трудовая жизнь учениковъ.

„Причина, почему я выбралъ Кострому“, говоритъ онъ въ письмѣ къ одному изъ пріятелей „не столько раціональная, сколько моя личная, сердечная. Я родился въ Костромѣ, въ ней получилъ первоначальное образованіе, и въ ней положено начало моему нравственному образованію“.

Вотъ за что онъ считалъ себя въ долгу передъ костромскимъ краемъ; но это былъ его личный долгъ, по которому разчетъ могъ быть сдѣланъ только личными средствами, и въ своей пуританской строгости къ общественному достоянію, ему ввѣренному, онъ былъ противникомъ продолженія Ярославской желѣзнодорожной линіи на Кострому, считая ее невыгодной для Общества. Рельсовый путь на Кострому былъ проложенъ уже послѣ его смерти.

Ѳедоръ Васильевичъ Чижовъ скончался отъ аневризма 14 ноября 1877 года, 67 лѣтъ отъ роду. 67 лѣтъ билось въ этомъ могучемъ организмѣ это могучее сердце, билось слишкомъ сильно для человѣческой натуры и наконецъ остановилось; смерть была мгновенна.

„Я видѣлъ его черезъ полчаса послѣ смерти“, говоритъ И. С. Аксаковъ. „Онъ сидѣлъ въ креслахъ мертвый, съ выраженіемъ какой-то мужественной мысли и безстрашія на челѣ, не какъ рабъ лѣнивый и лукавый, а какъ рабъ вѣрный и добрый, много потрудившійся, много любившій, мужъ сильнаго духа и дѣятельнаго сердца“.

Рельсовый путь къ Бѣлому морю.

Строящійся нынѣ рельсовый путь отъ Вологды до Архангельска имѣетъ протяженіе въ 596 верстъ. Изысканія начаты въ іюлѣ 1894 года, а зимой 1894—95 года приступлено къ валкѣ просѣкъ; съ открытіемъ весны 1895 года начаты земляныя работы и сооруженія по всей линіи, не останавливавшіяся и зимой 1895—96 года, такъ что всю минувшую зиму на линіи работало до 10 тыс. человѣкъ на разныхъ отрасляхъ сооруженія. Вообще работы ведутся дѣятельно и настойчиво и къ наступающему лѣту (1896 г.) предполагается открыть движеніе: а) отъ Вологды до р. Кубины, на 88 верстъ, дабы принять грузъ лѣса, сплавляемаго по этой рѣкѣ въ количествѣ до 2 мил. бревенъ; б) отъ Архангельска до Лайскихъ возвышенностей, на протяженіи 40 верстъ, пересѣкая превосходный строевой сосновый лѣсъ, и останавливаясь у начала тундръ; в) наконецъ, почти въ срединѣ линіи (около 240 верстъ отъ Вологды) уложены рельсы, на протяженіи 71 версты къ Архангельску и заготовленъ подвижной составъ. Доставка подвижного состава на этотъ участокъ производилась зимой и представляла оригинальное и едва ли до сихъ поръ виданное зрѣлище перевозки на салазкахъ и лошадьми паровозовъ, вагоновъ и платформъ.

Не входя въ разсмотрѣніе техническихъ условій постройки какъ самаго пути, такъ и искусственныхъ сооруженій, связанныхъ съ его проведеніемъ—вопросовъ, составляющихъ предметъ особаго (XVII) отдѣла выставки, здѣсь достаточно будетъ указать на нѣкоторыя, такъ сказать общежитейскія условія и трудности, встрѣченныя при изысканіяхъ и при постройкѣ.

Намѣчая направленіе линіи, принято было основаніемъ, что новый рельсовый путь будетъ линіей магистральной, и что поэтому главное его значеніе должно выражаться въ наиболѣе удобномъ соединеніи двухъ его

конечныхъ пунктовъ, Архангельска и Вологды, какъ звеньевъ въ соединеніи центра Россіи—Москвы съ далекими сѣверными окраинами. Поэтому первоначально проектированное направленіе, съ значительнымъ склоненіемъ на востокъ, съ переходомъ черезъ Сѣверную Двину и Пинегу и съ подходомъ къ самому городу Архангельску, расположенному на правой сторонѣ Двины — направленіе, все же изслѣдованное въ нѣсколькихъ варіянтахъ—было совершенно оставлено, какъ значительно увеличивающее и длину линіи и стоимость ея, и избрано кратчайшее разстояніе, т. е. линія съ самыми незначительными искривленіями, почти совпадающая съ меридіяномъ.

Намѣченное такимъ образомъ направленіе проходитъ по мѣстностямъ мало и даже совсѣмъ ненаселеннымъ; изысканія приходилось вести или пробивая по глухому необитаемому лѣсу просѣку, направляясь по компасу, или переходить глубокія, разстилающіяся на много верстъ трясины. Приходилось вступать въ области, гдѣ никогда не была нога человѣческая, въ огромныя пространства вѣковыхъ лѣсовъ, которымъ, казалось, нѣтъ и края. Завѣдующіе изысканіями дѣлали строгія распоряженія, чтобы рабочіе отнюдь не отбивались отъ партіи, такъ какъ отбившійся рисковалъ заблудиться въ однообразіи и безвыходности лѣсной глуши. Такое распоряженіе было вполнѣ цѣлесообразно, такъ какъ уже былъ случай, что одинъ изъ партіи отбился въ сторону и уже не могъ возстановить вѣрнаго направленія, между тѣмъ наступила ночь и несчастный, пробродивъ двое сутокъ, прибился наконецъ къ какой - то отдаленной деревушкѣ, полупомѣшанный отъ страха и отъ подавляющаго впечатлѣнія чего-то гигантскаго въ этой дикой лѣсной природѣ.

Другое затрудненіе какъ для изысканій, такъ и для постройки, составляли постоянно встрѣчавшіяся по пути

болота. Наибольшее изъ нихъ—Мошинское болото, начинается на 337 верстѣ отъ Вологды и тянется вдоль линіи на протяженіи 23 верстъ. Болото имѣетъ до $3^1/_2$ саж. глубины и мѣстами представляетъ такую топкую трясину, что идти по ней возможно не иначе, какъ по настланнымъ длиннымъ жердямъ или полубревнамъ. Въ одномъ мѣстѣ такой переходъ тянется на 9 верстъ; 9 верстъ приходится идти по качающимся на зыбкой почвѣ тремъ, мѣстами и двумъ жердямъ—только куда ногу поставить—съ увѣренностью, что ступить въ сторону значитъ немедленно быть втянутымъ на 10 аршинную глубину, съ опастностью жизни. Мошинское болото пересѣкается рѣкою Мошей и ея притоками; но такъ какъ дно этихъ рѣчекъ значительно выше дна болота, то исчезаетъ послѣдняя возможность осушить его.

Въ строительномъ отношеніи болота представляли большую трудность и не мало задерживали успѣшность постройки, такъ какъ насыпи, возводимыя на болотахъ, хотя и насыпались по настилу, все же проваливались по нѣскольку разъ; подходящаго грунта для засыпки вблизи не было, а имѣвшаяся на мѣстѣ иловая глина расползалась во всѣ стороны; доставлять - же баластъ явилась возможность только послѣ соединенія рельсовымъ путемъ болотъ съ песчаными карьерами.

Наконецъ большое затрудненіе какъ при изысканіяхъ, такъ и во время постройки представляла слабая населенность мѣстности, особенно сѣверной ея части. Собственно населенною можно считать только мѣстность отъ Вологды, до р. Сухоны, т. е. на 30-верстномъ протяженіи; тутъ вдоль полотна тянутся воздѣланныя поля и заливные покосы. За Сухоной линія вступаетъ въ лѣсную мѣстность, пересѣкаемую болотами; поселенія попадаются здѣсь черезъ 30—35 верстъ и представляютъ группы изъ 5—7 деревень, составляющихъ во-

Фотот. Шереръ, Набгольцъ и К°.

Тундра весной.

(Стр. 57)

лость. Въ предѣлахъ Олонецкой губерніи населеніе еще болѣе рѣдѣетъ, линія вступаетъ сперва въ Мошинскія болота, среди которыхъ, на возвышеніи, какъ бы на островѣ, расположенъ Шалакушскій погостъ, состоящій изъ трехъ деревушекъ, дворовъ по 12 каждая, а затѣмъ (380 в. отъ Вологды) идутъ безпрерывные крупные лѣса, безъ всякаго поселенія, переходящіе въ Архангельскую губернію. Населенныя мѣста находятся здѣсь лишь по большому почтовому петербурго-архангельскому тракту, пересѣкаемому желѣзной дорогой на 405 верстѣ отъ Вологды. Въ общемъ здѣсь на 230 верстахъ линія встрѣчаетъ лишь одну деревушку въ 15 дворовъ и нѣсколько самоѣдскихъ юртъ. При вступленіи въ Архангельскую губернію линія прорѣзаетъ чудесный строевой лѣсъ, состоящій изъ гигантскихъ сосенъ, елей и лиственницъ; лѣсъ оживляется рѣчками совершенно горнаго характера съ чистой, какъ кристалъ, водою и быстрымъ теченіемъ по камнямъ и порогамъ. Такая мѣстность тянется верстъ на 40—50. Затѣмъ линія спускается въ низины и послѣднія, къ Архангельску, 150 верстъ идетъ почти сплошь болотами, или тундрами, поросшими бѣлымъ мхомъ и мелкимъ соснякомъ, вышиною въ 2—3 ар. и толщиною въ 2—3 вершка; между этими карликами встрѣчаются такіе, которымъ, по слоямъ, насчитывается до 300 лѣтъ. Эти тундры, съ своимъ бѣлымъ мхомъ, служатъ пріютомъ для кочевниковъ самоѣдовъ, тѣмъ болѣе, что въ прилегающихъ лѣсахъ много дичи, въ тундрѣ же пасутся лоси и дикіе олени; но другихъ, кромѣ мха подножныхъ кормовъ здѣсь уже нѣтъ, что тоже составляло особое затрудненіе при изысканіяхъ: приходилось весь провіантъ нести на себѣ, устраивая особые смѣнные этапы, такъ какъ перевозка его на лошадяхъ—не говоря уже о трудности, и даже невозможности для лошади пробраться болотами—вызывала еще необходимость везти

фуражъ и для лошадей; а тамошняя низкорослая лошадь едва въ состояніи перевезти, на болѣе или менѣе значительное пространство, кормъ для себя самой.

Значительное облегченіе въ ходѣ работъ и улучшеніе условій жизни на мѣстахъ ихъ производства было достигнуто устройствомъ вдоль линіи временной дороги, колесной на 350 слишкомъ верстъ и для верховой ѣзды на 500 верстъ. Эта времянка устроена различными способами, частью на сваяхъ, по сплошнымъ, непроходимымъ болотамъ, частью настиломъ и наконецъ простой разчисткой лѣсовъ. По проведеніи времянки пробитая по глухому, необитаемому лѣсу и по топкимъ болотамъ просѣка обратилась въ оживленную работами артерію, съ удобнымъ сообщеніемъ, съ правильно размѣщенными и вполнѣ хорошо обставленными пунктами: рабочими, административными, медицинскими и продовольственными. Въ виду отсутствія по линіи населенныхъ мѣстъ и въ виду необходимости доставить рабочимъ въ холодномъ и сыромъ климатѣ возможныя удобства для жилья, на всемъ протяженіи земляныхъ работъ устроены рабочія помѣщенія, бараки, столовыя и кухни—черезъ каждыя двѣ версты, а склады провіанта, матеріаловъ и инструментовъ — черезъ каждыя двадцать верстъ. Наконецъ на станціи Плесецкой, гдѣ начинается 3-й, ближайшій къ Архангельску участокъ (407 в. отъ Вологды), кромѣ большихъ рубленыхъ бараковъ, приспособленныхъ для зимняго жилья рабочихъ, кухонь, квасоваренъ и разныхъ складочныхъ помѣщеній, устроены конюшни на 30 лошадей и лавка для продажи продуктовъ первой необходимости.

Тѣ же исключительныя условія требовали и особой организаціи врачебно-санитарной части. Подъ вѣдѣніемъ старшаго врача было устроено по линіи 17 пріемныхъ покоевъ на 150—200 кроватей, съ полнымъ снаб-

женіемъ медикаментами и предметами медицинской помощи; въ мѣстахъ производства работъ находилось 9 врачей, 21 фельдшеръ и 13 студентовъ.

Устройство этихъ, такъ сказать, культурныхъ центровъ, имѣющихъ пока лишь временный характеръ, произвело уже теперь на столько оживляющее вліяніе на всю близлежащую окрестность, что общество Московско-Ярославско-Архангельской желѣзной дороги рѣшило обратить ихъ въ постоянныя учрежденія, имѣющія функціонировать и по окончаніи постройки дороги. Съ этою цѣлью приступлено къ устройству 11 станціонныхъ пунктовъ особаго типа: они будутъ доставлять пріѣзжающимъ издалека удобное помѣщеніе на болѣе или менѣе продолжительное время для людей и лошадей; при этихъ станціяхъ, расположенныхъ вдали отъ торговыхъ центровъ, будетъ производиться продажа, въ видахъ урегулированія мѣстныхъ цѣнъ, предметовъ первой необходимости: хлѣба, соли, керосина, овса, сѣна и т. под., а начальники этихъ станцій будутъ принимать комисію на выписку машинъ, орудій, сѣмянъ и другихъ принадлежностей для мѣстныхъ жителей. Наконецъ въ срединѣ линіи, на большой станціи Няндомѣ, предположено устроить училище для дѣтей служащихъ, съ преподаваніемъ, кромѣ общеобразовательныхъ предметовъ, элементарныхъ ремеслъ.

Въ связи съ постройкой желѣзной дороги, предположено также проведеніе грунтовыхъ подъѣздныхъ путей, соединяющихъ промышленные пункты съ близьлежащими станціями. Такъ, отъ станціи Обозерской (110 верстъ отъ Архангельска), будутъ проложены двѣ дороги: одна, длиной 80 верстъ, къ селу Селецкому на р. Емцѣ, притокѣ Сѣверной Двины, другая, длиной 60 верстъ, къ р. Онегѣ. Этимъ способомъ соединятся оба главные водные бассейна той мѣстности.

На судоходныхъ и сплавныхъ рѣкахъ, пересѣкаемыхъ линіею, будутъ устроены пристани съ вѣтвями къ нимъ. Такія пристани предполагаются у рѣкъ: Сухоны, Кубины и Моши. На Сѣверной Двинѣ, въ Архангельскѣ, будутъ построены двѣ пристани: одна на городской сторонѣ, другая на противоположной, въ мѣстѣ подхода линіи къ городу. При обѣихъ этихъ пристаняхъ будутъ сооружены зернохранилища и складочныя помѣщенія.

Крупныя земляныя работы какъ по сооруженію огромной Исакогорской земляной насыпи близь Архангельска, такъ и въ другихъ мѣстахъ, требовавшихъ подвоза грунта издалека, затруднялись, съ одной стороны безлюдіемъ мѣстности, а съ другой—большими неудобствами, сопряженными съ привлеченіемъ на сѣверъ рабочихъ изъ южныхъ и среднихъ губерній, непривычныхъ къ сѣверной суровой природѣ; обыкновенный тачечный способъ этихъ работъ уже съ перваго года постройки оказался и медленнымъ и дорогимъ. Поэтому ручная перевозка земли на тачкахъ была замѣнена передачею его цѣлыми поѣздами Дековилевскихъ вагонетокъ съ тягою посредствомъ особыхъ паровозовъ. Такого подвижного состава имѣлось въ распоряженіи строительной администраціи: 12 паровозовъ, 250 платформъ и 280 вагонетокъ.

Въ строительномъ отношеніи достоенъ замѣчанія мостъ на р. Вологдѣ, поставленый на деревянныхъ устояхъ съ верхнимъ строеніемъ металическимъ; достойна также замѣчанія огромная Исакогорская насыпь, посредствомъ которой заваленъ глухой рукавъ, или заливъ, Сѣверной Двины.

Полотно дороги, проложенное по этой насыпи, вступаетъ затѣмъ на глуховскій островъ, по которому путь подходитъ къ берегу большого русла Двины, противъ Архангельска.

Пароходство по Бѣлому морю и Ледов. океану.

Какъ бы естественнымъ продолженіемъ желѣзно-дорожной линіи являются срочные рейсы по Бѣлому морю и Ледовитому океану, совершаемые пароходами товарищества Архангельско-Мурманскаго пароходства.

Товарищество образовалось и открыло свои дѣйствія въ 1875 году, по иниціативѣ и при самомъ горячемъ участіи крупнаго дѣятеля на пользу сѣвера Ѳ. В. Чижова. Не взирая на существенную поддержку со стороны правительства, выражавшуюся какъ въ участіи его, на довольно крупную сумму, въ образованіи основнаго капитала предпріятія, такъ и въ производствѣ товариществу помильной субсидіи за срочные рейсы, дѣла товарищества шли первые годы весьма неудовлетворительно, и пайщики не только не получали никакого дивиденда на свои взносы, но значительные долги, образовавшіеся въ первые же годы, грозили поглотить весь основный капиталъ и сдѣлать товарищество несостоятельнымъ къ дальнѣйшему продолженію своей дѣятельности. Такія неудачи первыхъ попытокъ учредить правильное пароходство въ нашихъ сѣверныхъ водахъ объясняются, какъ новизною этого дѣла, такъ и особыми условіями въ которыхъ приходилось дѣйствовать.

При крайне неудовлетворительномъ, особенно въ то время, освѣщеніи береговъ Бѣлаго моря и Ледовитаго океана, трудности и риски плаванія представлялись совершенно исключительными; кромѣ того, краткость навигаціи ставила предпріятіе въ необходимость покрывать годовые расходы по погашенію стоимости пароходовъ, содержанію капитановъ, механиковъ, части команды и всей администраціи выручками пароходовъ лишь въ теченіе 4 мѣсяцевъ ихъ плаванія. Для сравненія достаточно указать на то, что въ среднемъ пробѣгъ одного парохода товарищества, по содержанію срочныхъ, субсидированныхъ рейсовъ, составлялъ около 8,700 миль въ

навигацію, тогда какъ пробѣгъ судовъ другихъ субсидируемыхъ предпріятій составляетъ обыкновенно отъ 20 до 30 тыс. миль.

Тѣмъ не менѣе, товарищество не покидало завѣщаннаго ему его создателемъ и одухотворителемъ Ѳ. В. Чижовымъ дѣла призванія къ жизни „забытаго сѣвера"; не взирая на всѣ невзгоды, оно продолжало дѣйствовать и трудиться на пользу края, и не смотря на фактически монопольное положеніе свое, никогда не пользовалось имъ и не приносило въ жертву личнымъ своимъ выгодамъ интересовъ мѣстной торговли и промышленности; таковы были традиціи товарищества.

Благодаря умѣлому и опытному управленію предпріятіемъ со стороны какъ центральной, такъ и мѣстной администраціи, финансы его стали улучшаться и съ 1884 года пайщики стали получать постоянный, хотя незначительный для того времени, дивидендъ. Слѣдуетъ при этомъ отмѣтить, что товарищество представляло рѣдкій примѣръ крайне бережливаго и вполнѣ безкорыстнаго управленія; такъ ежегодные расходы центральной администраціи, при годовомъ оборотѣ приходо-расхода въ 300,000 рублей, составляли, въ видѣ вознагражденія правленія, лишь 3,000 рублей.

Въ прошломъ году исполнилось 20 лѣтъ со времени открытія первыхъ срочныхъ рейсовъ по бѣломорско-мурманскому побережью; финансовыя дѣла товарищества находились уже къ этому времени въ такомъ положеніи, что оно могло, съ значительной увѣренностью на счетъ будущаго, продолжать свою дѣятельность.

Между тѣмъ за послѣдніе годы вниманіе правительства было обращено на поднятіе и развитіе экономическаго положенія нашей сѣверной окраины, и въ этомъ отношеніи, естественно, придавалось преобладающее значеніе удобству путей сообщенія. Правительство ясно

сознавало, что пароходство въ сѣверныхъ водахъ въ теченіе навигаціоннаго времени является однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ промышленной и торговой жизни края; всѣ интересы, всѣ потребности приморскаго и промысловаго населенія, связаны съ приходомъ и отходомъ срочныхъ пароходовъ. Правительство констатировало, что многочисленныя, населенныя нынѣ становища сдѣлались такими исключительно благодаря срочнымъ рейсамъ, но что вмѣстѣ съ тѣмъ важное значеніе послѣднихъ въ дѣлѣ развитія морскихъ промысловъ и торговли края указываетъ на совершенную необходимость расширенія первоначальнаго объема пароходнаго движенія.

Слѣдствіемъ такого взгляда, и полнаго къ нему сочувствія и со стороны товарищества, явилось значительное расширеніе предпріятія какъ въ смыслѣ участія въ немъ правительтва и товарищества увеличенными капиталами, такъ и въ смыслѣ учащенія срочныхъ рейсовъ. Для удовлетворенія этимъ новымъ условіямъ товарищество ставитъ съ навигаціи настоящаго года три новыхъ океанскихъ парохода дальняго плаванія и три новыхъ же парохода меньшаго размѣра для плаванія въ закрытыхъ водахъ; кромѣ того, въ распоряженіи товарищества имѣются еще три парохода изъ прежняго судоваго состава, тоже удовлетворяющихъ условіямъ океанскаго плаванія.

Съ навигаціи нынѣшняго года срочные пароходные рейсы будутъ совершаться по слѣдующимъ линіямъ: 1) отъ Архангельска по Онежской губѣ Бѣлаго моря и обратно, и отъ Архангельска же по Кандалакшской губѣ Бѣлаго моря и обратно; рейсы эти совершаются каждые 11 дней съ заходомъ въ попутныя населенныя мѣста, причемъ пароходы, обслуживающіе ту и другую изъ этихъ линій, встрѣчаются въ г. Кеми. 2) Отъ Архангельска

вдоль Мурманскаго берега до норвежскаго города Вардэ еженедѣльно и отъ Вардэ до Архангельска, также еженедѣльно, со встрѣчею въ одномъ изъ становищъ Мурманскаго берега. 3) Весной, до вскрытія Бѣлаго моря, рейсы совершаются между Вардэ и крайнимъ къ востоку становищемъ Лица, на Мурманскомъ берегу.

Наконецъ одинъ изъ пароходовъ товарищества будетъ дѣлать по два рейса въ навигацію на Новую землю.

Въ дальнѣйшемъ развитіи пароходныхъ сообщеній предполагается включить въ число линій обязательнаго плаванія устройство правильныхъ сообщеній съ Мезенью и Печорою.

Нельзя конечно не привѣтствовать той широты воззрѣній, съ которою какъ правительство, такъ и частныя дѣятели — общество Московско-Ярославско-Архангельской желѣзной дороги и товарищество Архангельско-Мурманскаго срочнаго пароходства—приступаютъ нынѣ къ оживленію и къ экономическому и культурному поднятію нашего обширнаго сѣвера—этого совершенно непочатаго края. Нельзя также не вспомнить, съ благодарнымъ чувствомъ, государственной прозорливости покойнаго Ѳ. В. Чижова, который 20 лѣтъ тому назадъ провидѣлъ будущее значеніе сѣвера, и со свойственной ему энергіей и неутомимостью сталъ прокладывать туда пути, продолжая и развивая скромныя начинанія единомысленной съ нимъ группы коренныхъ москвичей. Нельзя наконецъ не остановиться съ благоговѣніемъ передъ памятью такъ недавно почившаго Императора Александра III, который еще будучи Наслѣдникомъ Престола, и, какъ всегда, своимъ горячимъ сердцемъ отзывчивый на все русское, сталъ во главѣ тогдашняго „стремленія на сѣверъ“, ясно понимая, что государственное значеніе этого края указано намъ нашей исторіей; уроки же исторіи, правильно понятые и оцѣненные — не обманываютъ.

Самоѣды въ тундрѣ зимой.

(Стр. 57)

Политическое значеніе нашего сѣвернаго побережья, съ его незамерзающими бухтами, со свободнымъ выходомъ въ океанскій просторъ, какъ противовѣсъ нашему замкнутому положенію въ Балтійскомъ и Черномъ моряхъ и невыгодному для насъ столкновенію съ интересами всего міра въ водахъ дальняго востока—поднятіе этого значенія сѣвера на подобающую ему высоту, принадлежитъ еще будущему. Первый шагъ въ этомъ направленіи однако уже сдѣланъ разрѣшеніемъ вопроса объ устройствѣ порта въ незамерзающей Екатерининской гавани.

Что касается экономической стороны сѣверной окраины, то и она хотя находится еще во многихъ отношеніяхъ въ зачаточномъ видѣ, все же и теперь значеніе и характеръ ея вполнѣ выясняются. Несомнѣнно, что экономическая жизнь на сѣверѣ можетъ развиваться, и населеніе его можетъ разсчитывать на широкую дѣятельность только въ области промышленности, ибо занятіе хлѣбопашествомъ, этимъ кореннымъ промысломъ остальной Россіи, здѣсь почти невозможно. Скудно вознаграждаемое въ Вологодской и Олонецкой губерніяхъ, оно совершенно теряется въ пустыряхъ Архангельской губерніи, въ которой, при общей ея площади въ $78^1/_2$ мил. десятинъ, занято пашнею лишь 80 тыс. десятинъ, т. е. около $^1/_{1000}$ всего пространства. Но и промысламъ сѣвера, предоставленнымъ однѣмъ скуднымъ силамъ недостаточнаго и рѣдкаго мѣстнаго населенія, безъ знаній и безъ капиталовъ, суждено бы навсегда оставаться не только въ зачаточномъ, но и въ постепенно угасающемъ состояніи.

Въ экономическомъ отношеніи промыслы сѣвера дѣлятся, сообразно его географическому положенію, на двѣ части, совершенно между собой различныя какъ по характеру, такъ и по жизни населенія: на промыслы материка и на промыслы побережій.

Лѣсные промыслы.

Въ числѣ первыхъ выдающееся значеніе имѣетъ лѣсной промыселъ. Лѣсная площадь одной Архангельской губерніи составляетъ слишкомъ $32\frac{1}{2}$ милліона десятинъ, но правильная эксплоатація производится только на 390 тыс. десятинъ; большинство же лѣсныхъ дачъ по системѣ р. Печоры представляетъ до сихъ поръ нетронутыя богатства.

Наиболѣе распространенныя лѣсныя породы — ель и сосна; впрочемъ, въ Мезенскомъ, Пинежскомъ и Печорскомъ уѣздахъ растетъ въ большомъ количествѣ и лиственница. Сѣверный лѣсъ, особенно растущій по суходолу, отличается превосходными качествами: тонкослойностью и плостностью древесины, что дѣлаетъ его особенно цѣннымъ на заграничныхъ рынкахъ, гдѣ онъ расцѣнивается на 10—15 процентовъ выше лѣсовъ, вывозимыхъ изъ другихъ мѣстъ Россіи. Такія высокія качества пріобрѣтаются мѣстнымъ лѣсомъ вслѣдствіе медленности его роста; такъ, полной годности на распилку ель достигаетъ въ 150 л., а сосна въ 200 л.

Слѣдуетъ замѣтить, что высокія требованія, предъявляемыя заграничными покупателями (6 –$6\frac{1}{2}$ вершковъ въ верхнемъ отрубѣ), допускаютъ только вырубку совершенно спѣлыхъ деревъ и представляютъ значительную гарантію противъ переруба и истощенія лѣсовъ. Вывозъ лѣсныхъ матеріаловъ заграницу изъ архангельскаго и другихъ бѣломорскихъ портовъ выразился въ 1895 г. слѣдующими цифрами:

разныхъ досокъ	18,509	т. шт.
клепки	3,017	т. шт.
багетокъ.	1,804	т. шт.
наметельниковъ	1,870	т. шт.
смолы и пека	871	т. пуд.

Разработка лѣсовъ производится на лѣсопильныхъ

заводахъ, расположенныхъ въ Архангельскомъ, Мезенскомъ, Онежскомъ и Кемскомъ уѣздахъ. Развитіе этого промысла видно изъ слѣдующей таблицы:

Годы.	Число заводовъ.	Число рабочихъ.	Сумма производства въ рубляхъ.
1886	16	1,535	2,466,861
1891	21	1,956	2,651,566
1895	21	4,558	5,752,958

Такимъ образомъ, число рабочихъ, занятыхъ на зоводахъ, и сумма производства увеличиваются въ болѣе быстрой прогрессіи, нежели число заводовъ, которые слабо возрасли количественно, но зато увеличились размѣрами. Особенно усилились работы лѣсопильныхъ заводовъ съ 1893 г., постоянно прогрессируя съ того времени.

Лѣсной промыселъ располагается по берегамъ сплавныхъ рѣкъ и сосредоточивается преимущественно въ Архангельскѣ, а также другихъ пунктахъ бѣломорскаго побережья на лѣсопильныхъ заводахъ. Условія путей передвиженія лѣса, т. е. направленіе его по сплавнымъ рѣкамъ, опредѣляетъ весь характеръ лѣсного промысла, какъ вывозного. Дѣйствительно, въ обратномъ направленіи, т. е. на югъ, черезъ посредство Ярославско-Вологодской желѣзной дороги къ Москвѣ, идетъ почти исключительно лишь вологодскій лѣсъ, т. е. худшаго качества, лучшій же, архангельскій, не выдерживаетъ движенія вверхъ по теченію по его дороговизнѣ.

Такимъ образомъ, весь лѣсъ, собирающійся на заводахъ бѣломорскаго побережья, за исключеніемъ незначительнаго мѣстнаго потребленія, вывозится заграницу. По вскрытіи Бѣлаго моря приходятъ къ Архангельску, Онегѣ, Кереги и другимъ мѣстамъ расположенія лѣсопильныхъ заводовъ иностранные (преимущественно ан-

глійскія) паровыя суда и забираютъ лѣсъ и обдѣланный лѣсной матеріалъ. Отношеніе между работой русскихъ и иностранныхъ судовъ заграничнаго плаванія въ бѣломорскихъ портахъ видно изъ слѣдующихъ цифръ 1895 г.

	Парусныхъ		Паровыхъ	
	русск.	иностр.	русск.	иностр.
прибыло	295	154	14	264.
отошло	270	154	12	264.

Такъ какъ лѣсъ вывозится заграницу (не считая ближайшихъ пунктовъ Норвегіи) преимущественно на паровыхъ судахъ, то оказывается, что мы не только отправляемъ за границу лучшіе наши лѣсные товары, получая для себя только то, что остается худшаго, но и перевозится этотъ лѣсъ не нашими судами, а иностранными.

Слѣдуетъ однако замѣтить, что за послѣднее время лѣсной промыселъ сталъ сосредоточиваться въ рукахъ русскихъ людей, тогда какъ прежде и имъ занимались почти исключительно иностранцы. Особеннаго вниманія заслуживаетъ то обстоятельство, что большинство нынѣшнихъ владѣльцевъ лѣсопильныхъ заводовъ вышло изъ мѣстныхъ крестьянъ, но тѣмъ не менѣе многіе изъ нихъ побывали заграницей и стремятся дать образованіе своимъ дѣтямъ. Результаты такого направленія не замедлили сказаться: такъ, въ 1877 г. изъ общей выручки лѣсопильныхъ заводовъ въ 1,685,360 руб., на долю русскихъ заводчиковъ приходилось всего 411,700 рублей, а въ 1894 году производство однихъ русскихъ заводовъ достигло 2 милліоновъ руб.

Общее и вездѣ замѣчаемое явленіе, развивающее значеніе близости моря и частыхъ сношеній съ людьми другихъ странъ и другой жизненной обстановки, сказалось во всей полнотѣ и здѣсь. Приморскіе жители со-

Времянка.

(Стр. 58)

знали, что развитіе всякаго промысла требуетъ прежде всего образованія, общаго и техническаго, и добросовѣстнаго отношенія къ производству, стремленія улучшить его и внушить къ нему довѣріе.

Къ сожалѣнію, именно эти стороны отсутствуютъ въ другихъ лѣсныхъ промыслахъ, производимыхъ въ глуби материка—въ производствѣ продуктовъ сухой перегонки дерева. Въ такомъ положеніи находится смолокуреніе, исторія котораго весьма поучительна.

Смолокуреніе наиболѣе развито въ Шенкурскомъ уѣздѣ среди крестьянъ удѣльнаго вѣдомства. При преобладающемъ среди населенія этого уѣзда занятіи хлѣбопашествомъ, гонка смолы, производимая въ свободное отъ полевыхъ работъ время силами семьи и вблизи дома, имѣетъ большое значеніе. Между тѣмъ выручка смолокуровъ за послѣднее время изъ года въ годъ падала; такъ, въ началѣ семидесятыхъ годовъ смолокуръ выручалъ за десятиведерную бочку смолы отъ 4 до 5 рублей, а въ послѣднее время сталъ получать не болѣе 1—2 рублей. Подъ вліяніемъ такого паденія цѣны на смолу, которое объяснялось главнымъ образомъ появленіемъ на заграничныхъ рынкахъ минеральныхъ маслъ, сократилась за этотъ же періодъ, и выручка отъ производства смолы со 140 тыс. рублей до 68 тыс. рублей (1894 г.). Между тѣмъ удѣльное вѣдомство приняло рядъ мѣръ для поднятія смолокуренія. Оно ввело бочки однообразнаго десятиведернаго размѣра, взвѣшивало ихъ, т. е. опредѣляло тару, а затѣмъ клеймило. Подъ наблюденіемъ чиновниковъ удѣльнаго вѣдомства, бочки наливались смолой, при чемъ было обращено особенное вниманіе на чистоту смолы, благодаря чему была почти уничтожена порча смолы водой, торфомъ, смоляной грязью и проч., что прежде постоянно практиковалось въ видахъ увеличенія вѣса. Результаты этихъ мѣропріятій

не замедлили сказаться: смола поднялась въ цѣнѣ, 253 старыхъ смолокурныхъ печи, прекратившихъ было работу, снова были возстановлены, и сумма производства поднялась въ 1895 г. до 164 тыс. рублей, т. е. увеличилась на 96 тыс. рублей противъ предшествовавшаго года.

Стало быть причину сокращенія производства смолы надо было искать не въ одномъ соперничествѣ минеральныхъ маслъ, а въ недобросовѣстности промышленниковъ-кустарей. Съ сожалѣніемъ надо признать, что и здѣсь повторялось то же печальное явленіе, которое такъ роняетъ за границей наши товары и въ другихъ областяхъ торговли и промысловъ.

Выдѣлка замши.

Изъ другихъ производствъ матерnка по обдѣлкѣ сырыхъ матеріаловъ наибольшее значеніе по своимъ размѣрамъ имѣетъ выдѣлка замши, сосредоточенная преимущественно въ Печорскомъ уѣздѣ, гдѣ особенно развито оленеводство. Но и это производство находится въ состояніи невысокаго совершенства, довольствуясь до сихъ поръ самыми простыми инструментами и самодѣльными машинами. Цѣна замши не превышаетъ 4—5 рублей за цѣлую шкуру, и все годовое производство выражается въ суммѣ около 130—135 тыс. рублей.

Охота.

Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть еще о лѣсной охотѣ на звѣрей и птицъ, дававшей нѣкогда значительный заработокъ, особенно населенію Мезенскаго, Печорскаго и Пинежскаго уѣздовъ. Промыселъ этотъ замѣтно сократился со введеніемъ въ дѣйствіе закона 3 февр. 1892 года, воспретившаго ловлю птицъ силками, сѣтями и т. п. способами. Впрочемъ, населеніе начинаетъ постепенно обзаводиться ружьями, и за послѣдніе два года, охотничій промыселъ сталъ опять принимать большіе

размѣры; движеніе въ ту и другую сторону выражается въ слѣдующихъ цифрахъ:

Годы.	Число промышленник.	Общая выручка.
1891	13,045	103,703
1892	10,083	60,157
1893	6,228	57,010
1894	8,735	82,341
1895	8,367	81,756

Изъ звѣрей, промышляемыхъ въ лѣсахъ Архангельской губерніи, наибольшее значеніе по количеству имѣетъ бѣлка; затѣмъ слѣдуютъ лисицы, куницы, песцы, медвѣди, россомахи, волки и горностаи. Изъ числа лѣсной пернатой дичи главный предметъ промысла составляютъ рябчики и бѣлыя куропатки, затѣмъ тетеревиныя породы.

Въ 1895 году размѣръ добычи далъ слѣдующіе результаты:

Добыто.

По уѣздамъ.	Число промышленник.	Звѣрей штукъ.	Птицы паръ.	Всего на сумму.
Мезенскому	1,071	10,986	25,904	14,187
Печорскому	2,498	35,586	69,603	22,434
Пинежскому	1,492	9,932	58,657	20,424
Остальнымъ	3,306	12,279	52,237	24,711
Итого	8,367	68,783	206,401	81,756.

Звѣриный и птичій промыслы, особенно развитые въ Печорскомъ уѣздѣ, находятся всецѣло въ рукахъ нѣсколькихъ мѣстныхъ скупщиковъ, которые, снабжая промышленниковъ въ долгъ необходимыми припасами, тѣмъ держатъ ихъ въ полной зависимости, назначаютъ произвольныя цѣны и сами наживаютъ большія суммы, конечно, въ ущербъ мѣстному населенію. Можно надѣ-

яться, что такой экономической зависимости будетъ положенъ предѣлъ съ развитіемъ пароходства отъ Архангельска къ Печорѣ, которое, по инициативѣ мѣстнаго губернатора А. П. Энгельгарта, уже открыло свои дѣйствія.

Рыбный промыселъ.

Изъ океанскихъ и морскихъ промысловъ наибольшее значеніе имѣетъ рыбный промыселъ на Мурманскомъ берегу. Съ ранней весны (въ половинѣ марта) все почти мужское населеніе побережныхъ мѣстностей Кольскаго, Кемскаго и Онежскаго уѣздовъ собирается въ артели, или нанимается на особыхъ условіяхъ къ хозяевамъ промысловыхъ судовъ (шнякъ) и перекочевываетъ на Мурманскій берегъ для лова трески и ея разновидностей.

Особенности организаціи рыбнаго промысла заключаются въ слѣдующемъ: участниковъ промысла можно подраздѣлить на три категоріи: 1) на скупщиковъ рыбы, владѣющихъ большими палубными судами, приспособленными къ далекимъ морскимъ плаваніямъ, и факторіями и складами на Мурманскомъ берегу; 2) на хозяевъ промысловыхъ лодокъ, исключительно предназначаемыхъ для лова рыбы, и 3) покручениковъ, т. е. работниковъ на промысловыхъ лодкахъ.

Въ числѣ скупщиковъ рыбы находятся архангельскіе, кемскіе и кольскіе купцы и мѣщане. Болѣе богатые изъ нихъ, владѣя лучшими судами, доставляютъ въ Петербургъ, огибая Нордъ-капъ, взятую на Мурманскомъ берегу и купленную въ Норвегіи рыбу; не столь зажиточные, не имѣя судовъ, годныхъ для дальнихъ рейсовъ, возятъ свою рыбу въ Архангельскъ. Такимъ образомъ, вся рыба, добываемая въ нашихъ водахъ Сѣвернаго океана, имѣетъ только два мѣста сбыта — Петербургъ и Архангельскъ.

Фотот. Шереръ, Набгольцъ и К°

Диковилевскія вагонетки.

(Стр. 66)

Въ числѣ хозяевъ промысловыхъ лодокъ, преимущественно шнякъ, находятся жители городовъ Онеги, Кеми, Колы, прибрежныхъ бѣломорскихъ поселеній отъ г. Онеги до сел. Кандалакши и нѣкоторыхъ селеній, расположенныхъ внутри Онежскаго и Кемскаго уѣздовъ. Число промысловыхъ лодокъ, находящихся во владѣніи одного хозяина, доходитъ до пяти, рѣдко больше, потому что если промыселъ настолько обиленъ, что даетъ ему возможность увеличить число ихъ, то онъ обыкновенно предпочтетъ завести небольшое каботажное палубное судно, напр., ладью, раньшину, шхуну, и отъ рыбнаго промысла переходитъ къ торговымъ операціямъ, а именно занимается мѣновою торговлею съ Норвегіею или становится скупщикомъ рыбы.

Тѣ изъ обитателей названныхъ мѣстностей, которые не имѣютъ средствъ обзавестись собственными шняками и снастями, предлагаютъ свои услуги владѣльцу промысловыхъ лодокъ и становятся его работниками, „покрученикамн“, по мѣстному выраженію. Они обыкновенно идутъ въ покрутъ партіями въ четыре человѣка, изъ числа коихъ одинъ назначается кормчимъ, или, употребляя тамошнее названіе, „корщикомъ“, а остальные трое—рядовыми. Нормальный промысловый составъ команды шняки бываетъ обыкновенно въ четыре человѣка; увеличивается же онъ тогда, когда въ числѣ рядовыхъ находятся женщины; двѣ женщины замѣняютъ одного мужчину, и каждая изъ нихъ носитъ оригинальное названіе „половинки“. При каждой почти шнякѣ, сверхъ промысловаго комплекта, находятся одинъ или два мальчика отъ 10 до 16 лѣтъ; ихъ называютъ „зуями“. Они вмѣстѣ съ остальными покрученнками отправляются на мѣсто промысла, но въ ловѣ рыбы не участвуютъ; обязанность же ихъ состоитъ въ распутываніи рыболовныхъ снастей по возвращеніи шняки съ

промысла и въ приготовленіи ихъ къ новому выходу въ океанъ.

Покрученики не получаютъ никакой платы, а участвуютъ въ выгодахъ промысла на правахъ пайщиковъ. Отношенія ихъ къ владѣльцу промысловыхъ лодокъ слѣдующія: они являются къ нему передъ наступленіемъ весны, въ концѣ января или началѣ февраля, съ пустыми руками; онъ долженъ снабдить каждое судно по меньшей мѣрѣ двухмѣсячною провизіей: хлѣбомъ, крупою, чаемъ, сахаромъ, ромомъ (непремѣнно) и, само собою разумѣется, рыболовными снастями. Независимо отъ этихъ расходовъ, промышленники забираютъ у хозяевъ деньгами стоимость части своихъ будущихъ паевъ. За все это хозяинъ шняки получаетъ двѣ трети всей промысловой выручки; остальная же треть дѣлится между покрученикамн, при чемъ корщикъ получаетъ добавленіе изъ хозяйской доли и денежную награду отъ хозяина въ размѣрѣ отъ 10 до 50 рублей. Надо замѣтить, что только часть провизіи, отпускаемая на шняку, и именно предметы необходимости, какъ-то: хлѣбъ, крупа, соль и дрова, составляютъ расходъ хозяина; другая же часть, какъ чай, сахаръ и ромъ, вычитается по оцѣнкѣ изъ паевъ покручениковъ. Впрочемъ, этими послѣдними предметами промышленники снабжаются тогда, когда идутъ промышлять въ небольшія становища, гдѣ нѣтъ продажи этихъ товаровъ; въ противномъ случаѣ покрученики пріобрѣтаютъ эти предметы на собственный счетъ, по приходѣ на мѣсто промысловъ. Иногда хозяинъ шняки самъ идетъ на промыселъ, но это не измѣняетъ способа раздѣла; онъ получаетъ свою хозяйскую часть и долю того покрученика, чью обязанность онъ исправляетъ, обыкновенно обязанность корщика. Снаряженіе шняки стоитъ довольно дорого; а если ихъ нѣсколько, то для снабженія ихъ всѣмъ необходи-

мымъ, для подъема и отправки рабочихъ нуженъ оборотный капиталъ рублей въ семьсотъ и больше. Бываетъ—и это въ большинствѣ случаевъ—что когда приходитъ время отправлять покручениковъ на промыселъ, у хозяина шнякъ оказывается недохватъ въ деньгахъ. Это происходитъ обыкновенно въ февралѣ или началѣ марта, когда поднимается все поморье и идетъ на океанъ и когда прошлогодніе доходы отъ промысловъ уже истощились. Отправить покручениковъ необходимо, пропустить время—значитъ пропустить и всю годовую прибыль, а отправить ихъ безъ денегъ нельзя. Въ такомъ положеніи хозяинъ обращается къ кредиту у крупныхъ рыбопромышленниковъ, скупщиковъ рыбы.

У крупныхъ рыбопромышленниковъ Мурманскаго берега свои корабли, которые къ началу промысла, т. е. въ послѣднихъ числахъ марта, подходятъ къ мѣсту улова, или свои факторіи на Мурманскомъ берегу, иногда и то и другое. Владѣльцы кораблей и факторій не держатъ рабочихъ для лова рыбы, а покупаютъ или, правильнѣе говоря, принимаютъ рыбу, вылавливаемую шняками, а корщику выдаютъ квитанцію («квитокъ» или «сегель»; вѣроятно послѣднее произведено отъ нѣмецкаго Sigel) о числѣ принятыхъ пудовъ рыбы.

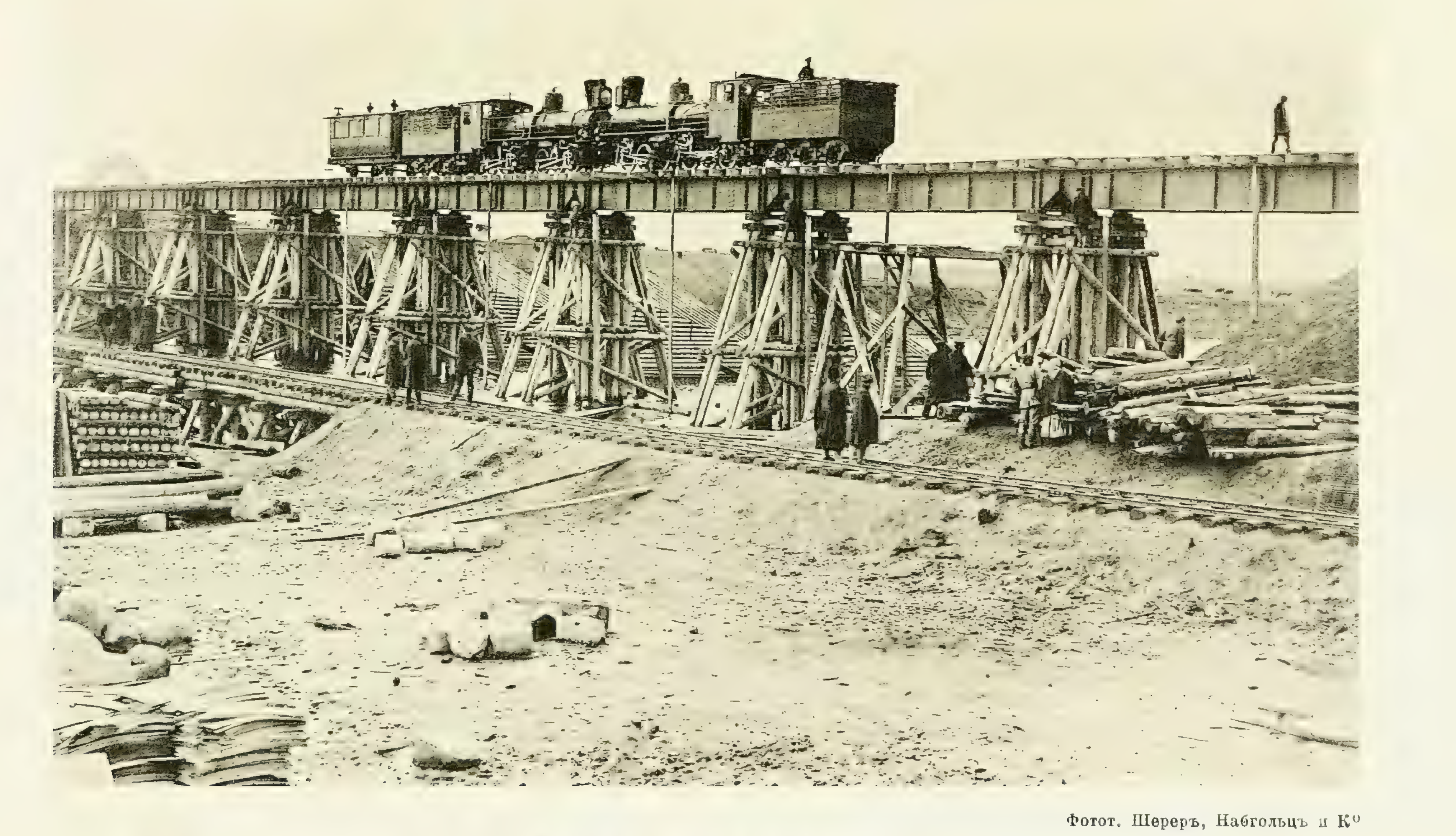
Кредитъ, которымъ пользуется владѣлецъ шнякъ, находится въ прямомъ отношеніи къ числу ихъ и простирается обыкновенно отъ пятидесяти до двухсотъ рублей. Но благодаря тому, что покрученики участвуютъ въ промыслѣ на правахъ пайщиковъ, и они пользуются кредитомъ, забираются у крупнаго промышленника; впрочемъ, они прибѣгаютъ къ этому, если не забрались у своего ближайшаго хозяина,—у владѣльца шняки. Ихъ кредитъ рѣдко превышаетъ двадцать пять рублей на человѣка и зависитъ отъ благонадежности и искусства корщика, полнаго распорядителя шняки со времени при-

бытія на океанъ; однако личный кредитъ корщика доходитъ и до пятидесяти рублей. Конечно, покрученикамъ выдается тѣмъ большая сумма, чѣмъ меньше забрался хозяинъ шняки, и наоборотъ, потому что ихъ долгъ лежитъ все-таки на его отвѣтственности.

Къ сожалѣнію, и тутъ является столь знакомое промышленнымъ странамъ неумѣренное господство капитала надъ рабочею силой. Многіе крупные промышленники пользуются тѣмъ, что, ссудивши хозяина шняки, ставятъ его въ совершенную отъ себя зависимость и употребляютъ всѣ усилія, чтобы не давать ему возможности выйти изъ этого положенія; въ этомъ ихъ прямая выгода. Заручившись извѣстнымъ количествомъ должниковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ большимъ или меньшимъ числомъ промысловыхъ лодокъ, крупный рыботорговецъ не боится уже остаться безъ груза. Онъ хорошо знаетъ, что и на будущій годъ къ нему обратятся за деньгами тѣ же самые промышленники, которые поэтому употребятъ всѣ усилія, чтобы аккуратно разсчитаться съ нимъ; такимъ образомъ, онъ имѣетъ возможность устанавливать во время промысла цѣну на рыбу. Конечно, конкурренція не даетъ ему слишкомъ большого простора, но дѣйствіе ея тамъ еще весьма слабо.

Одно изъ существенныхъ злоупотребленій задолженностью мелкихъ промышленниковъ заключается въ способѣ окончательнаго разсчета. Если къ концу лова оказывается, что по сравненію стоимости поставленной рыбы и забраннаго товара разность въ пользу мелкаго промышленника, то скупщикъ рыбы употребляетъ всѣ усилія, чтобы разсчитаться не деньгами, а товаромъ своей торговли, и часто товаромъ низкаго достоинства, но приносящимъ значительный барышъ помимо тѣхъ выгодъ, которыя доставитъ рыба, оплаченная этимъ товаромъ. Наконецъ, если для полнаго разсчета остается

Фотот. Шереръ, Набгольцъ и К⁰

Мостъ на рѣкѣ Вологдѣ.

(Стр. 60)

доплатить нѣсколько рублей, а товару набрано достаточно, то и тутъ скупщикъ старается избавиться отъ уплаты наличными деньгами и уговорить покручениковъ взять нѣсколько бутылокъ вина или норвежскаго рома, такъ какъ этотъ товаръ наиболѣе поддается дробленію на мелкія единицы. Нечего и говорить, что это вино выпивается немедленно и еще больше развиваетъ распространенное на Мурманскомъ берегу пьянство.

Способы лова.

Вся добываемая на Мурманскомъ берегу треска ловится двоякимъ способомъ: на ярусъ или на уду. Первымъ способомъ промышляютъ поморы, т. е. жители бѣломорскаго побережья отъ г. Онеги до сел. Кандалакши, коляне и лопари, вторымъ — норвежцы и финляндцы. Ярусомъ называется рядъ связанныхъ между собою веревокъ, толщиною въ мизинецъ, къ которымъ прикрѣплены тонкія бечевки (аростеги), съ привязанными на концахъ стальными крючками, наживленными мелкою рыбой. Длина аростегъ бываетъ обыкновенно въ аршинъ и аршинъ съ четвертью; разстояніе же, на которомъ одна аростега прикрѣплена отъ другой, зависитъ отъ того, густо или рѣдко идетъ рыба, и доходитъ до сажени. Такъ какъ ярусъ составленъ изъ нѣсколькихъ концовъ веревокъ, то и длину его можно разнообразить, смотря по обстоятельствамъ, въ самыхъ широкихъ размѣрахъ; поэтому яруса и бываютъ отъ сотни до 4,000 саженъ въ длину. Устроенный такимъ образомъ ярусъ промышленники завозятъ на своей лодкѣ на десять и двадцать верстъ въ океанъ и тамъ спускаютъ въ воду одинъ конецъ, привязавъ къ нему якорь, а къ якорю поплавокъ (кубасъ), служащій для обозначенія мѣста, на которомъ лежитъ ярусъ. Такихъ поплавковъ бываетъ отъ двухъ до восьми на одномъ ярусѣ,

смотря по длинѣ его. Когда выброшенъ первый якорь, то прошленники идутъ дальше въ океанъ и на ходу выбрасываютъ весь ярусъ и, наконецъ, бросаютъ послѣдній якорь и ставятъ послѣдній кубасъ. Такимъ образомъ случается, что промышленники отойдутъ отъ берега верстъ на тридцать. Вообще же выборъ мѣста, на которомъ начинается метаніе яруса, и дальнѣйшее его направленіе вполнѣ зависятъ отъ корщика. Умѣніе выбирать мѣста и направленіе лова составляетъ репутацію корщиковъ. Когда поставленъ послѣдній кубасъ, то промышленники, привязавъ къ нему свою лодку, останавливаются часовъ на пять или на шесть и, утомленные продолжительною работой, ложатся спать. Эта стоянка — одна изъ самыхъ опасныхъ минутъ во время промысла, потому что сонныхъ промышленниковъ часто совершенно неожиданно застигаетъ буря посреди океана. Впрочемъ, наши поморы, въ особенности онежане, настолько сроднились съ опасностями и настолько пренебрегаютъ ими, что въ подобныхъ случаяхъ, вмѣсто того, чтобы спѣшить назадъ въ становище, попытаются еще выбрать ярусъ. Только тогда, когда волны начнутъ уже плескать черезъ бортъ и нѣтъ возможности отливать воду, они оставляютъ ярусъ на кубасахъ и спасаются въ первой закрытой бухтѣ. Но иногда и въ бухту нѣтъ возможности войти, и если лодку не разобьетъ о прибрежныя скалы, то промышленники пускаются въ полпаруса на произволъ разбушевавшихся волнъ.

Всѣмъ этимъ опасностямъ не подвергаются норвежцы и финляндцы, такъ какъ они ловятъ не на ярусъ, а на уду. Они выходятъ въ океанъ, не отходя отъ берега такъ далеко, какъ этого требуетъ ярусный промыселъ, бросаютъ якорь или удерживаются на мѣстѣ веслами и спускаютъ въ воду длинную бечевку (лесу), къ концу которой привязанъ желѣзный прутъ, длиною

около 10 вершковъ, перехваченный лесою по срединѣ. Отъ обоихъ концовъ этого прута спускаются внизъ двѣ тонкія бечевки (аростеги) съ крючками, наживленными мелкою рыбой, червемъ или кускомъ сырой трески. Аростеги и тутъ, какъ на ярусѣ, длиною около аршина. Повыше желѣзнаго прута прикрѣплено къ лесѣ грузило, т. е. чугунная или свинцовая гирька, около фунта вѣсомъ, что даетъ возможность опустить крючекъ на произвольную глубину, не опасаясь, что онъ собьется въ сторону теченіемъ. Рыболовъ, держа лесу въ рукахъ, отъ времени до времени двигаетъ ею взадъ и впередъ, или вверхъ и внизъ; это движеніе передается и крючку съ наживкою, которую треска и хватаетъ.

Существенныя преимущества удебнаго промысла передъ яруснымъ заключается въ томъ, что первый сопряженъ съ значительно меньшими расходами и меньшею тратою времени, а также не подвергаетъ промышленниковъ тѣмъ опасностямъ, которыя почти неизбѣжны при ярусномъ промыслѣ. Что касается расходовъ, то кромѣ того, что уда стоитъ несравненно дешевле яруса, при удебномъ промыслѣ нѣтъ надобности пріобрѣтать неводъ для лова наживки, такъ какъ крючки обыкновенно наживляются кусками свѣжей трески или сайды. При ярусномъ же промыслѣ неводъ составляетъ необходимую и на столько дорогую *) принадлежность лова, что невода пріобрѣтаются по одному на нѣсколько лодокъ. Возможность обойтись при удебномъ промыслѣ безъ лова мелкой рыбы, мойвы или песчанки, для наживки избавляетъ еще отъ значительной потери времени, такъ какъ наживка не всегда водится въ близкомъ разстояніи отъ становища, и каждый выѣздъ за нею отнимаетъ

*) Неводъ стоитъ около тридцати рублей и служитъ не болѣе двухъ лѣтъ.

цѣлыя сутки. Не мало времени тратится также на далекіе сравнительно выѣзды въ океанъ для выметыванія яруса и на стоянку у послѣдняго кубаса, въ ожиданіи клева, при чемъ нерѣдко часть рыбы, а иногда и вся, попавши уже на крючки, оказывается объѣденною проходившими акулами; тогда снова приходится наживлять и выметывать ярусъ. Наконецъ, удебный промыселъ не такъ опасенъ, какъ ярусный, потому что не требуетъ столь далекихъ выходовъ и продолжительной стоянки въ открытомъ океанѣ.

Причина, почему наши промышленники не принимаютъ норвежскаго способа лова, т. е. удебнаго, заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, что на ярусъ рыба попадается крупнѣе, чѣмъ на уду, и цѣна ей другая: ярусная рыба всегда отъ пяти до семи копѣекъ на пудъ дороже удебной. Но едва ли эти нѣсколько лишнихъ копѣекъ окупаютъ рискъ и затраты и вознаграждаютъ за потерю времени, съ которыми сопряженъ ярусный промыселъ; можно смѣло сказать, что при удебномъ способѣ лова выигрышъ во времени, и потому въ количествѣ рыбы, съ избыткомъ вознаграждаетъ за то, что теряется въ ея качествѣ.

Промысловыя суда.

Условія яруснаго и удебнаго промысловъ настолько различны, что каждому изъ нихъ присвоена своеобразной конструкціи промысловая лодка, а именно: ярусному промыслу — шняка̀, удебному — ёла. Шняка̀ имѣетъ въ длину отъ четырехъ до шести саженъ, а въ ширину около двухъ съ половиною аршинъ и до сажени съ четвертью. Она шьется изъ досокъ и формою похожа на тѣ лодки, которыя шьются крестьянами на рѣкахъ ладожскаго бассейна: Волховѣ, Сяси, Пашѣ, Свири и Ояти. Есть основаніе предполагать, что нынѣшніе поморы, потомки древнихъ новгородцевъ, стали строить

Фотот. Шереръ, Набгольцъ и К°

Исакогорская насыпь.

(Стр. 00)

морскія лодки, шняки, по образцу тѣхъ, которыя они употребляли на рѣкахъ своей родины. Сходство наружнаго очертанія тѣхъ и другихъ поразительно; разница заключается только въ большей прочности работы шнякъ; такъ, лодки названныхъ рѣкъ шьются изъ простого теса, который пригибается къ шпангауту и сшивается гибкими еловыми или можжевеловыми вѣтками; въ шнякѣ же на два нижнихъ ряда идутъ доски, вытесанныя уже въ готовой, изогнутой формѣ изъ цѣлаго бревна, и сшивка производится кручеными бечевками. Тѣмъ не менѣе если лодки такой конструкціи вполнѣ удовлетворяютъ требованіямъ рѣчного плаванія, то онѣ оказываются мало пригодными для океана и во многомъ уступаютъ норвежскимъ ёламъ, которыя отличаются чрезвычайно изогнутою, почти ломаною линіею средняго шпангаута, съ широкимъ отверстіемъ, между тѣмъ какъ средній шпангаутъ шняки представляетъ кривую линію съ незначительнымъ изгибомъ. Благодаря такому устройству, ёла принимаетъ на горизонтальную часть своихъ бортовъ напоръ волны, не давая ей плескать черезъ бортъ, что бываетъ со шнякою, имѣющею большую осадку и менѣе наклоненную къ поверхности воды плоскость бортовъ. Въ связи съ этимъ находится и то преимущество ёлы, что она имѣетъ значительно большую грузовмѣстимость, нежели шняка̀. Такъ, при одной и той же длинѣ, ёла подымаетъ до 300 пуд , а шняка̀— не болѣе 250. Шняка̀, какъ выше было замѣчено, рѣчное судно по происхожденію; она поворотливѣе ёлы и лучше ходитъ на веслахъ—два условія, необходимыя при ярусномъ промыслѣ. Для этого способа лова ёла, тѣхъ же размѣровъ, какъ обыкновенная шняка̀, совершенно непригодна. Вотъ почему поморы такъ упорно держатся шняки.

Разныя породы рыбъ.

Кромѣ трески, составляющей главную добычу рыбнаго промысла, на ярусъ и на уду попадаются и другія рыбы, какъ-то: палтусъ, зубатка, пеструха и пикшуй. Изъ нихъ послѣднія три, хотя принадлежатъ къ тресковому роду и похожи на треску, цѣнятся въ половину дешевле ея. Палтусъ же, принадлежащій къ семейству камбалъ, считается цѣннѣе трески, особенно если онъ достигаетъ значительныхъ размѣровъ и если вывѣшиваетъ болѣе 10 фунтовъ, то цѣнится вдвое и втрое дороже трески. Палтусы бываютъ иногда по 14 пудовъ вѣсомъ и,—что составляетъ главное ихъ достоинство,—увеличиваются при этомъ не столько въ длину, сколько въ объемѣ, представляя изъ себя овальный, необыкновенно мясистый цилиндръ. Въ настоящее время правильнаго лова палтуса не существуетъ на Мурманскомъ берегу; онъ попадаетъ случайно и въ незначительномъ количествѣ при ловѣ трески.

Упомянутыя породы рыбъ составляютъ предметъ какъ весенняго, такъ и лѣтняго промысловъ. Кромѣ того, лѣтомъ производятся обильные ловы сайды сѣтями. Сайда появляется у нашихъ береговъ большими стадами и весною, и лѣтомъ; присутствіе ея можно узнать по стаямъ чаекъ, которыя вьются и плаваютъ надъ мѣстомъ ея нахожденія. Стада этой рыбы бываютъ такъ многочисленны, и рыба идетъ такъ густо, что если, преслѣдуемая акулами, она бросится на поверхность воды, то чайки ходятъ по ней, какъ по твердой землѣ, поддерживая только равновѣсіе слегка расправленными крыльями и образуя сплошную бѣлую массу, въ видѣ небольшого острова.

Весенніе и лѣтніе промыслы.

По характеру промысловъ всѣ поселенія Мурманскаго берега раздѣляются на восточныя и западныя. Первыя расположены отъ Св. Носа до о-ва Кильдина,

вторыя—отъ Кольской губы, по Рыбачьему полуострову, до норвежской границы. Различіе между ними обусловливается тѣмъ, что на восточной сторонѣ Мурманскаго берега самые обильные уловы производятся лѣтомъ, на западной же сторонѣ — весною. Сообразно съ этимъ и большинство промышленниковъ начинаетъ въ мартѣ ловъ въ весеннихъ становищахъ Рыбачьяго полуострова и продолжаютъ его тутъ до конца іюня; затѣмъ переходятъ на восточный берегъ, гдѣ весною промыслы незначительны, а принимаютъ обширные размѣры въ іюлѣ и августѣ.

Около Петрова дня (29 іюня) весеннія становища Рыбачьяго полуострова пустѣютъ: поморы перебираются въ лѣтнія становища, а коляне, по издавна установившемуся обычаю, уходятъ въ Колу повидаться съ семействами и тамъ отпраздновать этотъ день. Такъ какъ въ это же время начинаются и сѣнокосы, то коляне по большей части уже не возвращаются на океанъ, а занимаются частью домашнимъ хозяйствомъ, частью ловомъ семги въ Кольской губѣ. Къ концу іюня и началу іюля кончается поставка рыбы на Петербургъ, и начинается заготовка ея для Архангельска. Бѣлое море очищается ото льдовъ позднѣе Балтійскаго, а именно около первыхъ чиселъ іюня; вотъ почему петербургскіе корабли берутъ грузъ рыбы въ весеннихъ становищахъ, а архангельскіе—въ лѣтнихъ. По вскрытіи Бѣлаго моря поморскія, архангельскія и другихъ побережныхъ мѣстностей суда идутъ въ Норвегію, по преимуществу съ грузомъ хлѣба, а иногда съ тесомъ, смолою, канатами и т. п. Тѣ изъ хозяевъ этихъ товаровъ, которые не имѣютъ собственнаго капитала, а ведутъ дѣла въ кредитъ, часть своего груза продаютъ въ Норвегіи на наличныя деньги, а часть промѣниваютъ тамъ на свѣжую рыбу, которую, посоливъ, везутъ на продажу въ Архангельскъ.

Продавъ свой товаръ, они идутъ порожнякомъ или съ грузомъ соли въ лѣтнія становища Мурманскаго берега, куда приходятъ въ половинѣ или въ концѣ іюля и грузятся сушеною, соленою и свѣжею рыбою, при чемъ послѣднюю солятъ въ трюмѣ, и идутъ въ Архангельскъ къ маргаритинской ярмаркѣ, бывающей въ половинѣ сентября. Въ связи съ этими особенностями весенняго и лѣтняго промысловъ находится и нѣкоторая разница въ приготовленіи весенней и лѣтней рыбы. Первая, предназначаясь для Петербурга и подвергаясь долгому плаванію, отличается большей прочностью посолки; вторая же приготовляется не такъ чисто и солится менѣе прочно, а на половину сушеной рыбы идетъ сайда, которая не имѣетъ сбыта въ Петербургѣ. Цѣны на рыбу весною и лѣтомъ также значительно разнятся между собою,—лѣтняя цѣна выше весенней. Такое повышеніе цѣнъ объясняется: а) присутствіемъ на лѣтнихъ промыслахъ большого числа судовъ, между которыми является соперничество; б) близостью Архангельска, какъ рынка для сбыта товара, что уменьшаетъ издержки провоза, и в) значительно меньшимъ количествомъ соли, необходимой для сохраненія рыбы, и потому значительно меньшею потерею вѣса отъ утечки: такъ какъ соль, сильно впитывая въ себя всю влагу изъ рыбы, сама быстро сырѣетъ, то насыщенныя частицы ея стекаютъ внизъ; отъ такой утраты рыба, пришедшая въ Петербургъ, теряетъ въ своемъ вѣсѣ около 20% того количества, которое было погружено на мѣстѣ промысла. Пришедши же въ Архангельскъ, эта потеря едва ли превышаетъ 15%.

Результаты промысловъ.

Результаты мурманскихъ рыбныхъ промысловъ давали за послѣднее трехлѣтіе значительное изъ года въ годъ увеличеніе какъ по размѣрамъ улова, такъ и по выручкѣ:

	Число промысловыхъ судовъ.	Промышленниковъ. Хозяевъ.	Покручениковъ.	Размѣръ добычи пудовъ. Рыбы.	Жира.	На сумму рублей.
1893 г.	769	676	2.408	584.627	55.220	295.755
1894 г.	997	815	3.173	713.896	65.990	350.959
1895 г.	963	768	3.006	799.325	39.840	516.415

Впрочемъ, такое поступательное движенiе нельзя считать явленiемъ постояннымъ. Размѣръ улова всецѣло зависитъ отъ наличности у мѣстъ нахожденiя промышленниковъ мелкой рыбы, употребляемой дли наживки: мойвы во время весеннихъ и песчанки во время лѣтнихъ промысловъ. Часто случается, что наживка появляется въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ промысловыхъ судовъ; пока промышленники извѣстятся объ этомъ и успѣютъ перегнать свои суда изъ одного становища въ другое, проходитъ много времени, а можетъ случиться что между тѣмъ и мелкая рыба опять отойдетъ отъ береговъ.

Что же касается величины выручки, то она зависитъ отъ цѣнъ на рыбу и на соль. Относительно цѣнъ на рыбу минувшiй (1895) годъ былъ однимъ изъ выдающихся, такъ какъ цѣна на свѣжую треску на мѣстѣ улова поднялась почти вдвое противъ обыкновенныхъ цѣнъ и достигала 90 коп. за пудъ. Такой высоты цѣны едва достигали въ прежнее время въ года самыхъ неудачныхъ улововъ; между тѣмъ *минувшiй* годъ по улову долженъ быть признанъ удачнымъ, поэтому такое значительное повышенiе цѣнъ слѣдуетъ приписать особенно оживленнымъ покупкамъ.

И дѣйствительно, мѣстные жители удостовѣряютъ, что въ послѣднюю промысловую кампанiю промышленники холоднаго сѣвера были точно охвачены какою-то спекуляцiонною горячкой. Можетъ быть, повышенная температура мѣстнаго промышленнаго организма и про-

держится подъ вліяніемъ оживленія отъ предстоящаго въ нынѣшнемъ году значительнаго расширенія пароходнаго движенія, а затѣмъ съ проведеніемъ желѣзной дороги.

На поднятіе цѣнъ на рыбу несомнѣнно повліяло и пониженіе цѣны на соль. Продажа этого необходимѣйшаго продукта долго находилась въ рукахъ немногихъ торговцевъ, которые, не имѣя конкуррентовъ, поднимали цѣну соли до 40—60 коп., а иногда и выше. Въ видахъ противодѣйствія серьезному вреду, несомнѣнно бы послѣдовавшему отъ непомѣрнаго вздорожанія соли, въ 1895 году правительство ассигновало 16,000 рублей на устройство соляныхъ складовъ на Мурманскомъ берегу. Дѣйствіе такой мѣры было магическое. Какъ только мѣстная губернская администрація приступила къ устройству склада въ Териберкѣ, наиболѣе центральномъ и наиболѣе бойкомъ промысловомъ становищѣ Мурмана, какъ цѣна соли упала до 20 коп. и на этомъ уровнѣ продержалась все лѣто.

Мойва.

Есть полное основаніе полагать, что и мойвенный вопросъ могъ бы быть разрѣшенъ довольно просто; къ тому имѣются всѣ данныя. Мойва представляетъ лучшую наживку для лова трески, а между тѣмъ она появляется у береговъ только весною, поэтому и качество рыбы весеннихъ улововъ выше лѣтняго. Между тѣмъ, вслѣдствіе поздняго вскрытія Бѣлаго моря, къ весеннимъ промысламъ попадаетъ только та часть населенія, которая появляется на Мурманѣ въ половинѣ марта, пройдя пѣшкомъ отъ своихъ зимнихъ поселеній черезъ всю Лапландію, къ Колѣ. Такое путешествіе доступно лишь колянамъ, кемлянамъ и онежанамъ, жителямъ же Архангельскаго и другихъ уѣздовъ этотъ путь слишкомъ далекъ, и они попадаютъ лишь къ лѣт-

нимъ океанскимъ промысламъ, когда мойвы уже нѣтъ у береговъ. Такимъ образомъ, вопросъ сводится или къ сохраненію мойвы весенняго улова въ соленомъ или замороженомъ видѣ, или же къ лову мойвы вдали отъ береговъ.

Опыты и въ томъ и въ другомъ направленіи уже были дѣлаемы и оказались удачны. Такъ, въ 70-хъ годахъ фактористъ Зебекъ устроилъ при своей факторіи ледники для замораживанія мойвы — пріемъ, который уже давно практикуется американскими рыбопромышленниками. Испробованный тогда ловъ на замороженую мойву оказался вполнѣ удаченъ, но съ прекращеніемъ всего предпріятія Зебека и этотъ способъ не получилъ дальнѣйшаго развитія. Изъ Америки же Зебекъ привезъ образецъ особаго невода-кошелька, съ помощью котораго ловъ мойвы можетъ производиться далеко отъ берега. Но и этотъ пріемъ былъ какъ-то заглушенъ въ рутинѣ, освященной вѣками. Только въ недавнее время онъ опять всплылъ наружу при совершенно случайныхъ обстоятельствахъ. Одинъ изъ крупныхъ мѣстныхъ промышленниковъ-фактористовъ, владѣлецъ небольшого парохода, разъѣзжалъ неподалеку отъ берега безъ точно опредѣленной цѣли. На пароходѣ какъ разъ находился неводъ, сходный съ кошельковымъ американскимъ. Увидѣвъ на значительномъ разстояніи отъ берега тучу чаекъ, кружившихся надъ однимъ мѣстомъ, заключили о присутствіи тамъ мойвы и направили туда пароходъ; мойвы дѣйствительно оказалось множество, и уловъ былъ обильный, такъ что въ одинъ этотъ разъ ее продали въ Териберкѣ на 1.200 рублей. Обзаведясь корзинами на 2½ пуда мойвы каждая (средняя пропорція на шняку), пароходъ сдѣлалъ въ лѣто еще нѣсколько рейсовъ за мойвой и, продавая по 8 руб. корзину, т. е. по 3 руб. 20 коп. пудъ мойвы, выручилъ въ лѣто около 5.000 р.

Въ настоящее время и другіе фактористы начинаютъ подумывать завести мойвенные пароходы, и можно надѣяться, что этотъ очень важный вопросъ получитъ наконецъ правильное рѣшеніе.

Сельдь, семга и др. рыбы.

Изъ другихъ рыбъ, добываемыхъ въ сѣверныхъ водахъ, особенный интересъ по размѣрамъ уловов представляетъ сельдь, появляющаяся огромными стадами въ заливахъ и бухтахъ Бѣлаго моря, куда она укрывается отъ преслѣдованія тюленей, китовъ и другихъ морскихъ звѣрей. Сельдь ловится сѣтями, и лучшимъ временемъ для промысла считается августъ и сентябрь, когда она бываетъ особенно жирна. Для вывоза сельдь солится и коптится; но и та, и другая заготовка ея въ прокъ крайне неудовлетворительны, что значительно понижаетъ ея цѣну. Уже одинъ внѣшній видъ копченой бѣломорской сельди, кривой и измятой, закрываетъ ей доступъ на болѣе требовательные рынки. Что же касается посолки, то совершенно непростительная экономія подвергаетъ ее скорой порчѣ, не говоря уже о томъ, что прямо изъ приготовленія она выходитъ дряблой и ослизлой. Бѣломорская сельдь несомнѣнно превосходитъ норвежскую, а между тѣмъ одно то, что въ Норвегіи кладутъ по 6—8 ф. соли на боченокъ, а у насъ по 2—3 фунта, даетъ на заграничныхъ рынкахъ преимущество норвежской.

Наиболѣе крупный, по размѣру выручки, изъ второстепенныхъ рыбныхъ промысловъ является ловъ семги, который производится заколами, сѣтями и переметами въ рѣкахъ, впадающихъ какъ въ океанъ, такъ и въ Бѣлое море. Но лучшими сортами считается семга изъ устьевъ Сѣв. Двины, Онеги, Мезени и Печоры.

Въ общемъ результаты улова этихъ рыбъ выразились за 1895 годъ въ слѣдующихъ цифрахъ:

Фотот. Шереръ, Набгольцъ и К°

Двина у Архангельска.

(Стр. 60)

	Добыто рыбы	
	пуд.	на сум.
Семги	32.849	243.670
Сельдей и наваги	97.965	130.943
Разной рѣчной и озерной рыбы.	55.299	91.530
Итого . .	186.113	466.143

Среди другихъ морскихъ промысловъ имѣетъ значеніе промыселъ различныхъ видовъ тюленей; изъ нихъ самый крупный — бѣлуха, достигаетъ отъ 2 до 3 с. въ длину и даетъ до 20 пуд. подкожнаго жира, представляющаго прекрасный матеріалъ для выдѣлки ворвани. Впрочемъ, это единственное, что даетъ бѣлуха, т. к. кожа ея малоцѣнна, а мясо никуда не идетъ. Бѣлуха съ виду похожа на рыбу; кожа ея мягкая, бѣлая (оттуда ея названіе), рыло острое, а хвостъ рыбій, но расположенный горизонтально; на затылкѣ она имѣетъ дыхало, которымъ дышитъ и выпускаетъ воду. Долго подъ водой бѣлуха не можетъ держаться, поэтому постоянно появляется на поверхности, выгибая дугой свой бѣлый хребетъ и выставляя дыхательный клапанъ; дыша такимъ образомъ она громко и отрывисто какъ бы стонетъ. Съ половины іюня до конца іюля бѣлухи спариваются, группируются огромными стадами. Для лова бѣлухъ это время самое удобное; но бѣлухъ ловятъ огромными неводами, стоимостью до 1000 рублей. Вслѣдствіе такой дороговизны снасти промыселъ этотъ мало развитъ. Морской звѣриный промыселъ.

Изъ другихъ тюленьихъ породъ у нашихъ сѣверныхъ береговъ встрѣчается:

Тевякъ — длинношеій, съ густыми усами, длиннымъ волосомъ и продолговатой головою, напоминающей лошадиную; онъ достигаетъ 3—4 арш. длины и даетъ до 9 пуд. сала.

Морской заяцъ, по величинѣ схожій съ тевякомъ, но шерсть его пушистая, шея короче и голова круглая; плотная кожа того и другого идетъ на издѣлія.

Нерпа—меньшихъ размѣровъ (2 — 2$^1/_2$ арш.) и даетъ меньше сала (до 3 пуд.). Цвѣтъ ея шерсти свѣтло-желтый съ шелковистымъ отливомъ и темнымъ крапомъ. Кожа нерпы мягкая и плотная, идетъ на покрышку дорожныхъ вещей.

Гренландскій тюлень составляетъ самую распространенную разновидность тюленей въ нашихъ сѣверныхъ водахъ. Въ февралѣ и въ началѣ марта огромныя стада его проходятъ изъ Ледовитаго океана въ горло Бѣлаго моря и располагаются на прибрежныхъ льдинахъ для выводки дѣтей. Къ этому времени ихъ караулятъ промышленники по преимуществу мезенскіе крестьяне и идутъ на промыселъ съ самымъ незатѣйливымъ вооруженіемъ: небольшой шлюпкой и деревянной колотушкой, которою убиваютъ звѣря ударомъ по головѣ. Тутъ же на льдинѣ происходитъ и раздѣлка добычи; съ убитаго тюленя снимаютъ кожу и сало, которое завертываютъ въ эту же кожу, и выволакиваютъ все это на берегъ. Большую цѣнность представляютъ и новорожденные, 2—3 недѣльные дѣтеныши тюленей; они покрыты мягкой, пушистой, свѣтло-желтой шерстью, напоминающей пухъ молодыхъ гусенятъ. Шкурки этого возраста сбываются заграницу и идутъ на поддѣлку котиковаго мѣха. Кожа взрослаго тюленя идетъ на выдѣлку сбруи и на бахилы—особую просторную обувь, которую носятъ поморы; тюленье сало сбывается преимущественно въ Норвегію.

При такой первобытной организаціи этого промысла цифровые результаты его колеблются въ самыхъ неопредѣленныхъ размѣрахъ и потому не представляютъ теперь серьезнаго значенія съ экономической точки зрѣнія.

Залегшіе на льдинахъ тюлени представляютъ иногда сплошную темную массу въ нѣсколько тысячъ животныхъ; промышленники бросаются на добычу и начинаютъ избивать ее, все болѣе и болѣе удаляясь отъ берега. Случается, что въ это время льдины отрываются отъ берега и начинаютъ плавать; тогда промышленники бросаютъ набитую и нераздѣленную еще добычу и спѣшатъ къ своимъ лодкамъ, чтобы спастись на берегъ; если въ это время вѣтеръ усилится и начнетъ разбивать льдины, то попасть на нихъ становится невозможно, и весь промыселъ пропадетъ.

Норвежцы въ этомъ отношеніи значительно опередили нашихъ промышленниковъ, выходя на промыселъ на особо устроенныхъ судахъ, крѣпкой конструкціи. Подойдя къ тюленьимъ лежкамъ, они врубаются въ ледъ и постепенно бьютъ и прибираютъ добычу, и такимъ образомъ могутъ опять вырубиться изо льдинъ и уйти безъ потери. Въ послѣднее время появленіе нашихъ военныхъ крейсеровъ, преслѣдующихъ норвежскія суда, промышляющія въ нашихъ водахъ, если не совсѣмъ прекратило безправный промыселъ норвежцевъ, то настолько его сократило, что тюлени появляются у нашихъ береговъ не бывало большими массами.

Правильная постановка и развитіе этого промысла, несомнѣнно выгоднаго, ждетъ поэтому только капиталовъ, и при томъ не большихъ, такъ какъ тюлене-бойное судно норвежскаго образца—самая крупная расходная статья промысла—стоитъ не болѣе 20—30 тысячъ рублей.

Производимые норвежцами тюленьи промыслы, кромѣ истребленія звѣря, наносили намъ существенный вредъ и въ другомъ отношеніи. Продолжая промыселъ и въ апрѣлѣ и въ маѣ, когда съ сѣверо-востока къ Мурманскому берегу подходятъ плавучіе льды, норвежцы вы

сматриваютъ на нихъ, по присутствію чаекъ, тюленьи лежки и, заѣхавъ на шлюпкахъ съ сѣверо-востока, даютъ нѣсколько выстрѣловъ. Испуганные тюлени бросаются инстинктивно къ своему постоянному мѣсту жительства, на сѣверо-востокъ, но тутъ ихъ встрѣчаютъ убійственнымъ огнемъ изъ прекрасныхъ норвежскихъ винтовокъ; тогда они обращаются къ сѣверо-западу, въ свободныя воды и идутъ по всему Мурманскому берегу, истребляя, а болѣе пугая и разгоняя рыбу. Появленіе „кожи", т. е. разныхъ породъ тюленей, на Мурманскомъ берегу считается гибелью для рыбныхъ промысловъ, которые въ эти годы совсѣмъ не удаются.

Весьма цѣнную морскую добычу представляютъ моржи; водятся они теперь исключительно у береговъ Новой Земли, и вслѣдствіе значительнаго истребленія ихъ въ прежнее время норвежцами число ихъ очень замѣтно убыло. И въ этомъ отношеніи норвежцы имѣли огромное преимущество передъ нашими промышленниками, такъ какъ изъ своихъ незамерзающихъ бухтъ могли приходить на Новую Землю раннею весною, когда выходъ изъ Бѣлаго моря еще запертъ льдомъ, забирали лучшую добычу, а остальную распугивали. Въ этомъ отношеніи, конечно, огромное значеніе будетъ имѣть устройство и заселеніе порта въ незамерзающей Екатерининской гавани. Но до того времени настояло принять другія болѣе доступныя мѣры къ огражденію нашихъ владѣній отъ убыточнаго и несовмѣстнаго съ нашимъ государственнымъ достоинствомъ хозяйничанія норвежцевъ.

Колонизація Новой Земли.

Въ этомъ отношеніи несомнѣнную услугу краю оказала энергическая дѣятельность архангельскаго губернатора А. П. Энгельгарта. Появленіе нашихъ военныхъ крейсеровъ въ водахъ Ледовитаго океана и бывшій уже

случай конфискаціи всего промысла на двухъ норвежскихъ судахъ, захваченныхъ внутри нашихъ границъ съ добычей, несомнѣнно русскаго происхожденія, конечно положило предѣлъ норвежскому хищничеству; но дѣло нельзя было еще считать законченнымъ, пока не было постоянныхъ и сколько-нибудь сносно обставленныхъ поселеній нашихъ на Новой Землѣ.

Первыя постоянныя поселенія на этомъ островѣ относятся еще къ 1877 году, когда тамъ была устроена спасательная станція Обществомъ спасанія на водахъ; къ этому же времени относится и поселеніе 6 самоѣдскихъ семействъ изъ Мезенской тундры. Сношенія съ Новой Землей нѣсколько привились съ начала 80-хъ годовъ, когда товарищество Архангельско-Мурманскаго пароходства организовало туда по два правильныхъ рейса ежегодно. Но, конечно, такія одинокія мѣры содѣйствія не могли упрочить и развить постояннаго заселенія этого края, и рѣшительный шагъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ въ ближайшее къ намъ время въ видѣ тщательной и предусмотрительной до мелочей организаціи быта новыхъ поселенцевъ.

Организація эта, очень практичная и очень несложная, заключается въ главныхъ чертахъ въ слѣдующемъ: колонисты Новой Земли ежегодно съ послѣднимъ срочнымъ рейсомъ парохода снабжаются на всю зиму всевозможными продовольственными и другими припасами, оружіемъ, инструментами, порохомъ, патронами и т. д. на счетъ особыхъ суммъ, находящихся въ распоряженіи мѣстнаго губернатора. Всѣ эти запасы сдаются на Новой Землѣ въ складъ, находящійся въ завѣдываніи постоянно проживающаго тамъ правительственнаго фельдшера. По мѣрѣ нужды каждаго изъ поселенцевъ фельдшеръ выдаетъ ему изъ склада то или другое, записывая выданное на его личный счетъ; поселенцы же обязаны

сдавать въ складъ всѣ продукты своихъ промысловъ, которые также записываются фельдшеромъ въ тотъ же счетъ. Съ первымъ пароходнымъ рейсомъ слѣдующей навигаціи собранные складомъ продукты отправляются въ Архангельскъ, гдѣ поступаютъ въ завѣдываніе состоящаго при губернаторѣ чиновника или же принимаются имъ на мѣстѣ, при поѣздкѣ на Новую Землю, а затѣмъ продаются. Изъ общей суммы выручки вычитается отъ 10 до 12% на образованіе общаго колонизаціоннаго запаснаго капитала; остальное идетъ на покрытіе зимняго забора каждаго изъ поселенцевъ, причемъ всѣ счета какъ по дебету, такъ и по кредиту каждаго ведутся отдѣльно; наконецъ могущій образоваться остатокъ вносится на имя каждаго изъ поселенцевъ, по принадлежности, въ сберегательную кассу Архангельскаго отдѣленія государственнаго банка *).

Результатомъ этихъ операцій были слѣдующія цифры:

	Забрано изъ складовъ въ округленныхъ	Выручено отъ продажи цифрахъ	Остатокъ рублей.
За періодъ $18^{90}/_{91}$ г.	1,752	2,050	298
„ „ $18^{91}/_{92}$ „	2,583	4,228	1,645
„ „ $18^{92}/_{93}$ „	2,473	4,665	2,182
„ „ $18^{93}/_{94}$ „	2,863	3,781	918
„ „ $18^{94}/_{95}$ „	6,136	4,006	2,130

Какъ ни проста съ виду такая организація заселенія Новой Земли, она требовала многихъ и самыхъ мелочныхъ хлопотъ, направленныхъ главнымъ образомъ на упроченіе заселенія. Достаточно сказать, что въ одну изъ поѣздокъ на Новую Землю (1894 г.) А. П. Энгель-

*) Основаніе такой организаціи положено при посѣщеніи Новой Земли бывш. архангельскимъ губернаторомъ княземъ Н. Д. Голицынымъ.

гарту пришлось везти съ собой на пароходѣ, кромѣ 38 человѣкъ новыхъ поселенцевъ, вновь срубленный и нагруженный на пароходъ въ разобранномъ видѣ домъ для іеромонаха и псаломщика, постоянно тамъ проживающихъ, артель плотниковъ и печниковъ, нѣсколько новыхъ промысловыхъ лодокъ, нѣсколько десятковъ собакъ и, наконецъ, 120 саженъ дровъ.

Въ настоящее время на Новоземельскомъ островѣ имѣется церковь, школа и дома для причта, фельдшера и колонистовъ. Все населеніе распредѣляется по тремъ пунктамъ: самое сѣверное—у Маточкина шара, гдѣ особенно хороша охота на бѣлыхъ медвѣдей; среднее—въ Кармакулахъ съ промыслами тюленя, бѣлухи, песца и дикаго оленя, и южное—у Гусинаго носа тоже съ тюленьимъ промысломъ, а также съ богатыми промыслами дикаго оленя, гольца (видъ семги) и разныхъ пернатыхъ. Въ настоящее время населеніе острова состоитъ изъ 16 самоѣдскихъ семействъ въ 83 души, въ томъ числѣ 43 взрослыхъ. Кромѣ того, по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ однимъ изъ промышленниковъ поморовъ, потерпѣвшимъ аварію у южныхъ береговъ Новой Земли, на эту оконечность поселились въ 1895 г. два русскихъ и два самоѣдскихъ семейства, приплывшихъ на лодкахъ изъ Печорскаго края.

При сведеніи счетовъ по хозяйственнымъ операціямъ на Новой Землѣ за 1895 годъ, нѣкоторые изъ самоѣдовъ просили, чтобы часть денегъ имъ выдавали на руки, что, конечно, и было исполнено. Но при этомъ возникъ вопросъ, для чего имъ, снабженнымъ рѣшительно всѣмъ необходимымъ, понадобились деньги. Оказалось, что имъ нужны были собственно денежные знаки для взаимныхъ разсчетовъ по промысламъ, производимымъ въ компаніи, какъ, напр., въ случаяхъ делёжа шкуры медвѣдя, убитаго сообща. Итакъ, потребность въ

денежныхъ знакахъ проникла и на Новую Землю, въ это царство бѣлыхъ медвѣдей, моржей и гагаръ; тамъ можно теперь изучать воочію человѣческое общество на переходной ступени отъ первобытнаго состоянія, когда въ платежныхъ знакахъ не ощущается надобности, къ состоянію болѣе культурному, къ появленію потребности въ деньгахъ.

Телеграфъ на Мурманѣ.

Къ числу новѣйшихъ въ сѣверномъ краѣ культурныхъ завоеваній слѣдуетъ отнести проведеніе телеграфной линіи отъ Кеми черезъ Кандалакшу, Колу и вдоль всего Мурманскаго берега.

Путь черезъ Кольскій полуостровъ, отъ сел. Кандалакши до г. Колы, существуетъ издавна, такъ какъ это главный трактъ, по которому поморы Онежскаго и Кемскаго уѣздовъ идутъ каждую весну, но еще до вскрытія воды, на мурманскіе промыслы; но путь этотъ только зимній, лѣтомъ же онъ считался до сихъ поръ непроѣзднымъ въ буквальномъ смыслѣ; хотя тутъ и проходитъ земскій трактъ и содержатся лопарями земскія станціи, но, начиная отъ с. Кандалакши, колесное движеніе прекращается, и ѣдущему за прогоны предоставляется идти пѣшкомъ до первой возможности воспользоваться рѣкою Нивой, а далѣе озеромъ Имандрой, тянущимся верстъ на 80 вдоль Лапландіи съ юга на сѣверъ, чтобы передвигаться водой. Но кончается оз. Имандра, и опять приходится идти пѣшкомъ до слѣдующаго воднаго сообщенія рѣкой или озеромъ, а тамъ опять пѣшкомъ. Багажъ въ это время любезно несутъ на спинахъ мѣстные жители, обыкновенно лопарки, изъ семьи содержателя земской станціи.

Зимой этимъ трактомъ можно проѣхать даже въ экипажѣ, довольно своеобразномъ, но все же экипажѣ. Онъ представляетъ собою нѣчто въ родѣ корыта или лодочки;

Фотот. Шереръ, Набгольцъ и К°

Новая земля.

(Стр. 93)

одинъ конецъ, передній, закругленъ, въ формѣ носа лодки, другой совершенно тупой, на подобіе стѣнки корыта. Это корыто-лодочка, по мѣстному названію кережка, сшивается изъ тонкихъ досокъ, въ родѣ того какъ шьются лодки, и имѣетъ въ длину около 1¾ аршина, а въ ширину около 10—12 вершковъ; основу этого экипажа составляетъ широкій полозъ, загнутый спереди, какъ обыкновенные полозья. Въ это корыто, т. е. на его дно, путешественникъ садится и вытягиваетъ ноги горизонтально вдоль дна; поясницей онъ прислоняется къ задней стѣнкѣ, а пятками упирается въ закругленный передокъ; носки его ногъ торчатъ кверху, а самъ онъ долженъ сидѣть прямо, чтобы сохранять равновѣсіе на одномъ полозу. Отъ верхней части полоза идетъ веревка и, проходя между задними и передними ногами оленя, охватываетъ петлей его шею; къ концу праваго рога оленю привязывается другая веревка, которая дается въ руки путешественнику, очевидно только какъ символическій знакъ управленія, ибо управлять посредствомъ одной возжи, привязанной къ одному изъ отроговъ одного изъ роговъ оленя—едва-ли возможно. Тѣмъ не менѣе зимой путешествуютъ такимъ способомъ и дѣлаютъ перегоны отъ станціи до станціи въ 30—40 верстъ по совершеннымъ пустырямъ. Лѣтомъ 1895 года этотъ путь былъ пройденъ частью пѣшкомъ, частью на лодкахъ мѣстнымъ губернаторомъ во главѣ цѣлаго телеграфнаго парка, и теперь отмѣчается телеграфной линіей.

Екатерининская гавань.

Этотъ путь имѣетъ еще то важное значеніе, что онъ составляетъ прямой сухопутный трактъ къ Екатерининской гавани, наиболѣе удобному мѣсту для устройства порта и административнаго центра на Мурманѣ.

Вопросъ о незамерзающемъ портѣ въ нашихъ евро-

пейскихъ владѣніяхъ, притомъ о такомъ портѣ, который имѣлъ бы свободный выходъ въ океанъ, возникъ уже давно, прошелъ черезъ нѣсколько фазисовъ, гдѣ отдавалось предпочтеніе то тому, то другому мѣсту на Мурманскомъ берегу, и одно время обсуждался нашею печатью съ нѣкоторою страстностью. Но одинъ за другимъ всѣ проекты какъ-то сами собой отпадали и оказывались несостоятельными, а большинство мнѣній сосредоточивалось на Екатерининской гавани, какъ на самомъ подходящемъ пунктѣ. Наконецъ, во время поѣздки на Мурманскій берегъ, въ 1894 г., министра финансовъ С. Ю. Витте, на ней окончательно остановился выборъ такого пункта.

Въ разговорной рѣчи подъ именемъ „гавань" обыкновенно подразумѣвается заливъ или бухта, т. е. водная поверхность, закрытая съ трехъ сторонъ береговою линіей и лишь съ одной стороны имѣющая выходъ на просторъ. Екатерининская же гавань находится въ проливѣ между островомъ Екатерининскимъ и материкомъ и такимъ образомъ имѣетъ два выхода. Она расположена близъ устья Кольскаго залива, въ 15 верстахъ отъ открытаго океана, и, слѣдовательно, находится вблизи отъ главнаго морского пути, по которому суда идутъ между Архангельскомъ, Норвегіею и Петербургомъ.

Въ мѣстномъ промысловомъ отношеніи Екатерининская гавань имѣетъ важное значеніе для весенняго движенія промышленниковъ на Мурманскій берегъ. Поморамъ Онежскаго, Кемскаго и Кольскаго уѣздовъ, идущимъ черезъ Колу на весенніе океанскіе промыслы, важно попасть на Мурманъ возможно раньше, приблизительно въ началѣ или въ половинѣ марта. Между тѣмъ случается, что въ это время Кольская губа отъ Колы верстъ на 20 покрыта льдомъ, и приходится ждать. Съ устройствомъ порта въ Екатерининской гавани, по-

чти всегда свободной отъ льда, и съ проведеніемъ сухопутнаго тракта отъ Колы, Екатерининская гавань несомнѣнно станетъ исходнымъ пунктомъ для дальнѣйшаго передвиженія на Мурманъ водою.

Въ политическомъ отношеніи значеніе Екатерининской гавани принадлежитъ будущему, когда кромѣ коммерческаго порта она станетъ и военнымъ портомъ. Близость ея къ выходу въ океанъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ расположеніе ея внутри материка, съ полной возможностью сильно укрѣпить ее и съ той, и съ другой стороны, могутъ сдѣлать ее почти неприступной для нападающаго и очень сильной, какъ базисъ, для наступательныхъ дѣйствій.

Екатерининскую гавань можно считать незамерзающею круглый годъ. Если она и покрывается въ иные года льдомъ въ концѣ февраля или въ началѣ марта, то ледъ этотъ такъ слабъ, что уступаетъ не только усилію ледокола, но и всякаго парового судна, которое его разбиваетъ, а теченіе прилива и отлива, достигающихъ здѣсь разности въ 10—12 футъ, выноситъ его въ широкую Кольскую губу, гдѣ его окончательно разбиваетъ волненіемъ. Главный проливъ, т. е. самая гавань, расположенъ въ направленіи съ юго-востока на сѣверо-западъ, и въ этомъ же направленіи по всей его длинѣ лежитъ высокій (до 100 ф.) островъ Екатерининскій, прикрывающій ее отъ самыхъ опасныхъ сѣверо-восточныхъ вѣтровъ. Недалеко отъ Екатерининскаго пролива расположены по Кольской же губѣ еще нѣсколько бухтъ, могущихъ служить мѣстами стоянки для торговыхъ судовъ. Значительное преимущество близлежащихъ окрестностей заключается еще въ томъ, что берега мѣстами представляютъ довольно ровныя плащадки, однако безъ отмелей, вполнѣ пригодныхъ какъ для жилыхъ построекъ, такъ и для морскихъ тех-

ническихъ сооруженій: пристаней, доковъ и т. п. При этомъ р. Кола и Тулома, впадающія въ Кольскую губу, имѣютъ въ своихъ верховьяхъ хорошіе лѣса, подходящіе къ самымъ берегамъ и потому удобно сплавляемые, такъ что и въ этомъ отношеніи Екатерининская гавань имѣетъ преимущества, будучи обезпечена строительнымъ матеріаломъ и топливомъ. Наконецъ, вся близлежащая мѣстность покрыта обильно водными озерами съ хорошей водой. Озера расположены значительно выше уровня Кольской губы и даютъ отъ себя нѣсколько ручьевъ прекрасной прѣсной воды.

Нѣкоторые специалисты ставятъ въ упрекъ Екатерининской гавани слишкомъ большую ея глубину, доходящую мѣстами до 25 саж. и затрудняющую якорную стоянку. Однако промѣры показали, что такая глубина имѣется только въ одной части залива и что въ общемъ дно довольно ровное какъ въ серединѣ, такъ и у самыхъ береговъ. При этомъ защитники Екатерининскаго порта указываютъ на полную возможность засыпать слишкомъ большія глубины при предстоящихъ земляныхъ береговыхъ работахъ.

Этотъ вопросъ—чисто техническій, и о немъ здѣсь не мѣсто распространяться; но едва-ли эти возраженія настолько серьезны, чтобы умалить значеніе Екатерининской гавани во всѣхъ другихъ отношеніяхъ.

Пароходство къ Печорѣ и по Печорскому краю.

Заканчивая настоящій обзоръ нельзя пройти молчаніемъ и первыхъ попытокъ, сдѣланныхъ съ болѣе или менѣе отдаленной цѣлью поднять и оживить Печорскій край, а пока еще, чтобы создать возможность туда проникнуть. И эти шаги были послѣдовательнымъ рядомъ открытій и опроверженій очень распространеннаго мнѣнія, будто Печорскій край открытъ съ океана въ столь короткое время, что установленіе правильныхъ съ нимъ пароходныхъ со-

общеній изъ Архангельска невозможно; что блуждающія въ океанѣ на высотѣ острова Колгуева и Новой Земли льдины постоянно замыкаютъ устье Печоры. Между тѣмъ въ прошломъ году одинъ изъ крупныхъ и энергичныхъ мѣстныхъ дѣятелей, Сибиряковъ—одинъ изъ тѣхъ легендарныхъ типовъ, который нѣкогда олицетворялся въ Строгоновыхъ—взялся доказать, что правильное морское сообщеніе Архангельска съ Печорскимъ краемъ вполнѣ возможно, и доказалъ это. Пароходъ его совершилъ три рейса отъ Архангельска до с. Куи, на р. Печорѣ, въ 120 верстахъ отъ ея устья. Рейсы были начаты 8 іюля и закончены 2 сентября, при чемъ во второй рейсъ (30 іюля—12 августа) обратный путь въ Архангельскъ былъ пройденъ всего въ 3 сутокъ.

Одновременно съ этимъ были установлены пробные рейсы вверхъ по р. Печорѣ, отъ с. Куи до с. Щугоръ, Вологодской губерніи, на 1000 верстъ въ глубь материка, съ заходами въ р. Ижму и Усу.

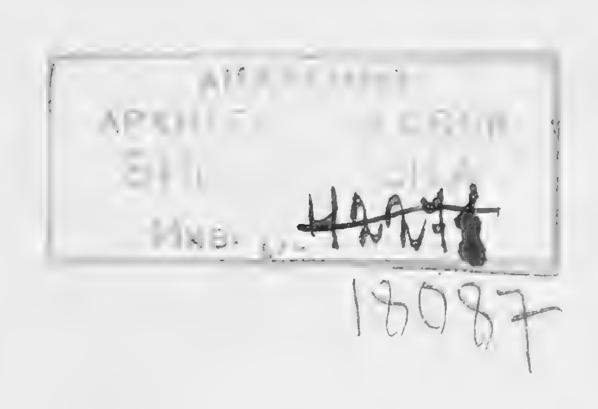
Достаточно взглянуть на карту, чтобы понять значеніе этихъ рейсовъ. Печора отъ океана подымается прямо на югъ на протяженіи 300 верстъ, гдѣ дѣлаетъ крутое колѣно, и поворачиваетъ на востокъ; около этого колѣна въ нее впадаетъ р. Ижма въ направленіи съ юга на сѣверъ и составляетъ какъ бы дальнѣйшее ея продолженіе на югъ. Между тѣмъ Печора все болѣе отклоняется на сѣверо-востокъ и, пройдя около 250 верстъ, опять круто поворачиваетъ на югъ. Тутъ въ нее впадаетъ съ сѣверо-востока р. Уса и опять продолжаетъ собой дальнѣйшее сообщеніе съ сѣверо-востокомъ къ предѣламъ сѣвернаго Урала. Такимъ образомъ, вся эта огромная часть Печорскаго края во всѣхъ направленіяхъ богато снабжена водными путями. Пассажирскіе пароходы купца Черняева, содержавшаго въ 1895 г. рейсы по Печорѣ и двумъ упомянутымъ ея притокамъ, начали плаваніе 17

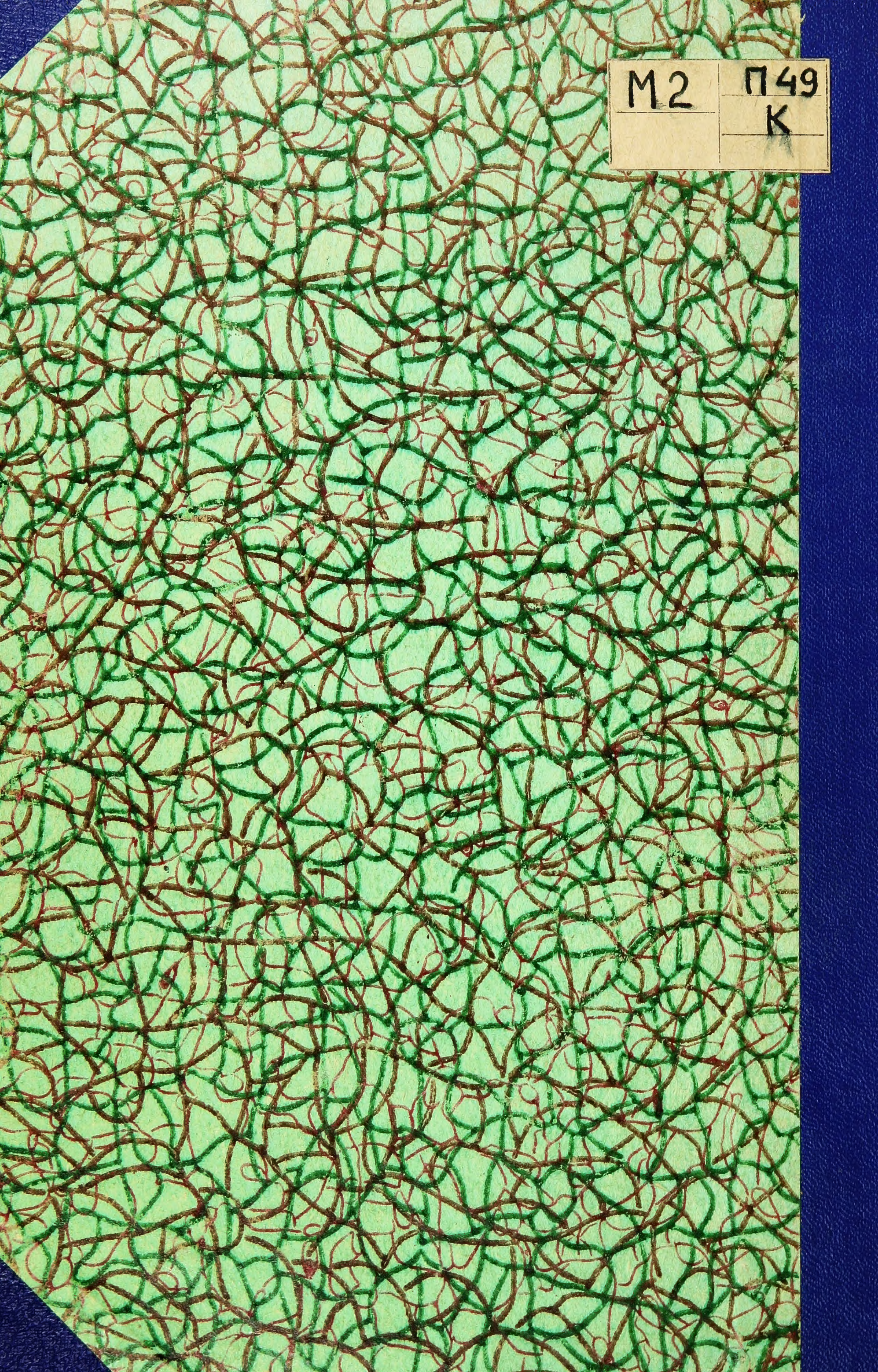
мая и окончили ихъ 22 сентября, совершивъ 7 полныхъ рейсовъ отъ Куи до Щугоръ.

Весь этотъ богатый край еще настолько мало обслѣдованъ, что теперь нѣ [illegible]ожности хотя бы приблизительно опредѣлить его значеніе въ будущемъ; остается только перечислить наиболѣе крупные его продукты, какъ рыба, цѣнные пушные звѣри, дичь, оленеводство, а въ будущемъ и скотоводство, необъятныя пространства превосходнаго лѣса, хвойнаго и лиственнаго, мѣсторожденія нефти и т. д., чтобы дать понятіе, какое богатое поприще для предпринимательской дѣятельности представляютъ эти невѣдомыя пространства.

Итакъ, весь нашъ необъятный сѣверный край ждетъ еще оживленія, ждетъ предпринимателей, ждетъ капиталовъ. За послѣднее время многое уже сдѣлано для призванія его къ жизни, но многое предстоитъ еще сдѣлать впереди. Тѣмъ не менѣе это уже и теперь не забытый, не заброшенный, это — **оживающій сѣверъ**.

А. Полѣновъ.

M2
П49
К